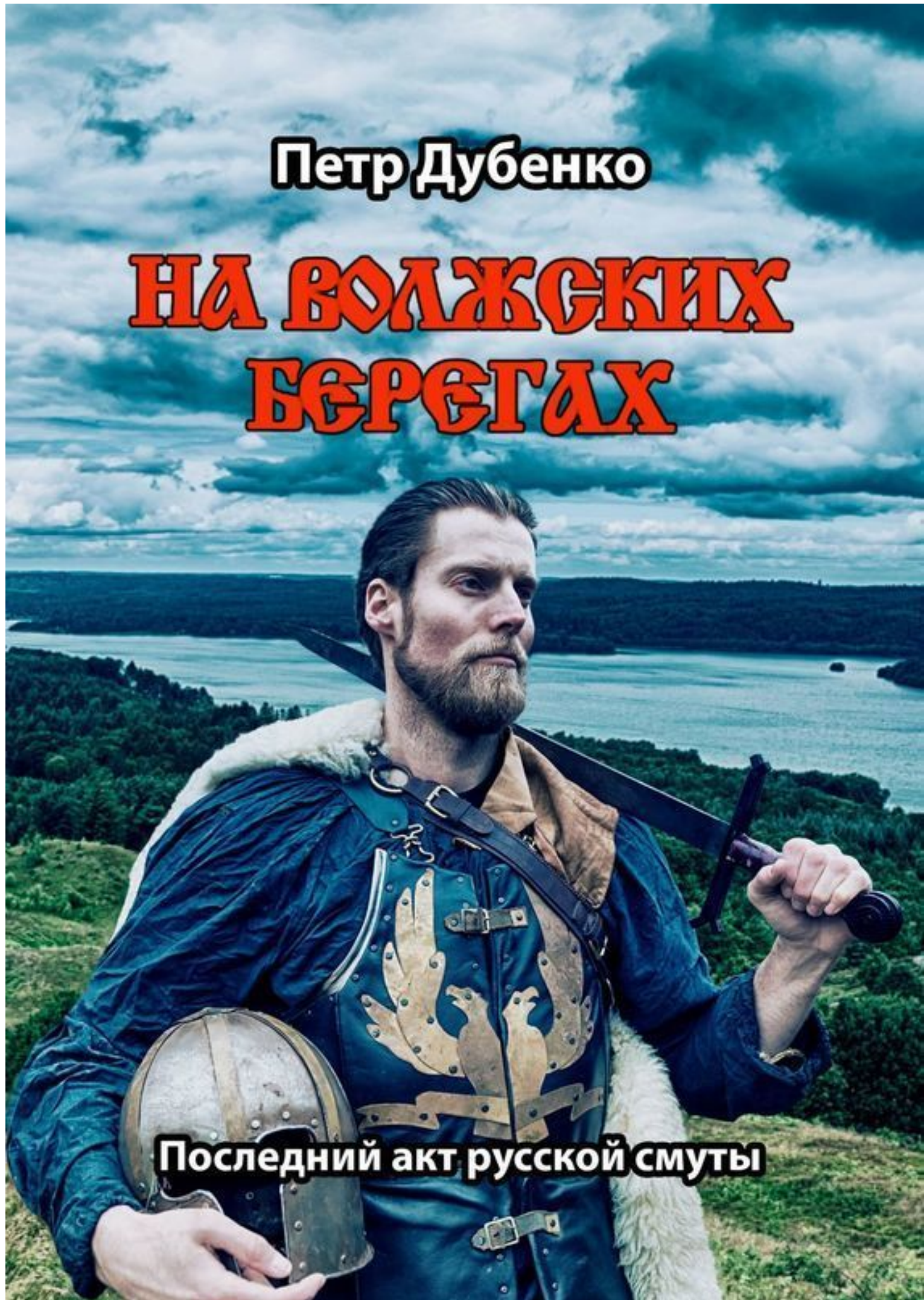

Петр Дубенко

НА ВОЛЖСКИХ БЕРЕГАХ

Последний акт русской смуты

Петр Дубенко

**На волжских берегах.
Последний акт русской смуты**

«Издательские решения»

Дубенко П.

На волжских берегах. Последний акт русской смуты /
П. Дубенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850148-7

Исторический роман повествует о последнем этапе смутного времени. Уже после избрания на царство Михаила Романова на юге Руси вспыхнул бунт. Над разоренной обескровленной страной нависла угроза новых междоусобиц и вторжения чужеземцев. Главный герой — Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский — реальная историческая личность, родственник, друг и соратник знаменитого предводителя народного ополчения. К сожалению, потомки мало знают об этом герое, вклад которого в спасение отечества трудно переоценить.

ISBN 978-5-44-850148-7

© Дубенко П.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	28
Глава четвертая	34
Глава пятая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

На волжских берегах Последний акт русской смуты

Петр Дубенко

Фотограф William Mikkel

Корректор Варвара Царенко

© Петр Дубенко, 2017

© William Mikkel, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-0148-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

Рассвет еще только зрел и землю укрывал серый туман июньской ночи, когда тишину, мирно дремавшую на порогах рубленых изб, вспугнул пронзительный дребезжащий звон деревенского била¹. Нестройный тревожный набат поплыл над скатами соломенных крыш, гулким протяжным эхом выплеснулся на поля и поднял над лесом черные тучи воронья. Тревога!!! Кушалино тут же пришло в движение. На беспорядочно застроенные тесные дворы посыпал народ. Заспанные, в одном исподнем, люди хватали кули, котомки с припасами, и напрямую, через жердяные ограды и хлипкие плетни, давя посадки огородов, пробиваясь сквозь гущу крапивы на нехоженных задворках, бежали к княжеской усадьбе. Там тоже все кипело и бурлило. Всполошенная дворня отворяла амбары, где подле мешков с толокном² и рожью стояли копыя и бердыши³, совни⁴ и рогатины, а рядом с цепями для молотбы уложены были кистени⁵ и шестоперы⁶. У гридницы⁷ суетился десяток боевых холопов⁸ в тегиляях⁹, четверо молодых устраивали напротив ворот небольшой тюфяк¹⁰, жерло которого уже было набито порохом и дробом. В помощь воинам деревенские мужики вооружались вилами, кольями и зазубренными крючьями на длинных ратовищах¹¹. Бабы побойчей и покрепче, подоткнув за пояс подола юбок, хватали все, что могло сойти за оружие, а те, кто по малолетству и старости не способен был к бою, собирались у небольшой часовни, дабы помогать родным жаркой молитвой.

На высоком крыльце с навесом и перилами появился князь: всклокоченная грива русых волос и густая перепутанная борода, еще не зашнурованный стегач¹² обтягивал широкие плечи и мощную грудь, на ходу второпях надетые штаны сидели криво и у пояса морщинились складками, а на голенище одного сапога болтался конец спешно намотанной портянки. Он бегло осмотрел переполненный двор, оценив царящую суматоху, недовольно покачал головой и пере-

---

¹ Било – древний сигнальный инструмент, изготовленный из дерева или железа. Звук извлекается посредством удара палкой или специальным молотком по поверхности инструмента.

² Толокно – мука из зёрен овса или ячменя.

³ Бердыш – холодное оружие в виде топора (секиры) с искривлённым, наподобие полумесяца, лезвием, насаженным на длинное древко.

⁴ Совня, совна, совь – древковое оружие с изогнутым однолезвийным наконечником, насаженным на длинное деревянное древко.

⁵ Кистень – гибко – суставчатое холодное оружие ударно-раздробляющего действия. Представляет собой ударный груз (костяную, металлическую или каменную гирю – било), соединённый подвесом (цепью, ремнём или крепкой верёвкой) с деревянной рукоятью.

⁶ Шестопёр – древнерусское холодное оружие ударно-дробящего действия XIII – XVII вв. Представляет собой разновидность булавы, к головке которой приварено шесть (реже более) металлических пластин – «перьев».

⁷ Гридница (гридня) – в древнерусской архитектуре IX – XVII веков – большое помещение для дружинников.

⁸ Боевые холопы (послужилыцы) – вооруженные слуги, принадлежавшие к разряду несвободного населения. Существовали в Российском государстве в XVI – XVIII веках, составляли вооруженную свиту и личную охрану крупных и средних землевладельцев.

⁹ Тегиляй – самый простой и дешёвый татарский и русский доспех XVI века. Представлял собой длиннополый распашной кафтан ниже колен с высоким стоячим воротником, набитый конским волосом.

¹⁰ Тюфяк – один из ранних типов огнестрельного оружия, применялись в качестве городской артиллерии, имели небольшую длину и ствол конической формы для веерного разлёта дроби.

¹¹ Ратовище – длинное древко.

¹² Стегач – стёганый поддоспешник, применялся для защиты торса и состоял из одного, двух, четырёх или шести простеганных слоёв толстого плотного материала.

вел холодный взгляд голубых с отливом оружейной стали глаз на сторожу – маленькую кособоковую башенку над городьбой¹³, где дозорный все еще мучил било. Князь коротким звонким свистом привлек его внимание, жестом спросил: «сколько?», и тот в ответ обеими руками обрисовал в воздухе большой неровный круг – много.

– Кондрат Егорыч!!! – Княжеский бас перекрыл шум суетящейся толпы и рядом тут же возник седовласый старик со страшным шрамом от правого виска до подбородка и высохшей левой рукой, чуть ниже локтя прихваченной к телу тонким, едва заметным ремешком. Знаком приказав ему стоять и ждать распоряжений, князь повернулся к распахнутой двери, в темном проеме которой немим испуганным приведением замерла княгиня – одной рукой удерживая на груди концы накинутаго поверх ночной рубахи платка, в другой она сжимала мужнин пояс с кривой турецкой саблей и коротким кинжалом в кожаных ножнах:

– Собирай детишков, берите пистолы, казну, харчей, но не боле того, что унесете легко, и в потай все, – упреждая уже готовые сорваться с уст испуганной женщины возражения, он осторожно заключил маленькие ладошки в свои огромные шершавые от мозолей ладонищи и произнес ласково и нежно, будто не стоял сейчас посреди усадьбы, где все готовилось к внезапной атаке неожиданных гостей. – Ну-ну, не спорь. Сам-то я и не из такого пекла целым выходил. А коли с вами что... все одно что убили меня.

Высокая и крепкая сейчас, стоя рядом с облаченным в доспехи мужем, она казалась хрупкой былинкой, которую даже легкое дуновение ветерка могло бы запросто унести за городьбу, а то и куда-нибудь к студеному морю. Не сводя с князя влажных глаз, она в ответ на просьбу лишь кивнула головой и протянула пояс с оружием. Тот принял его и быстро поцеловал послушную супругу в лоб:

– Все, родная, не мешкай, – а через мгновенье уже деловито и сухо наставлял старика со шрамом, – с ними пойдешь. Ежели что, по тайному ходу выйдете в лес, а там до Мугреево. На дороги не выходите, в деревни не суйтесь. Скрытно идите, а ежели и встретите кого случаем, так про то, что князя семейство – ни слова.

– Дмитрий Петрович, – с мольбой и укоризной в голосе произнес Кондрат Егорович. – Я ж это... и одной рукой того...

Старик сжимал в здоровой руке кистенище с шипастой болванкой на конце длинной цепи.

– Сказано, с ними пойдешь, – рыкнул на это князь, но тут же могучей лапой обхватив тонкую морщинистую шею старика, произнес тихо и мягко, даже с мольбой в голосе, – на тебя надежда тока. Сам посуди, случись чего, кто их отсель вывести сможет? Так что, давай, Кондрат Егорыч, не упрячься, родимый.

Старик обиженно засопел, но согласно кивнул, а Дмитрий Петрович перемахнул через высокие перила и бегом пустился к городьбе.

– За мной давай, – скомандовал князь холопу с длиннотвольной ручницей¹⁴ и берендейкой¹⁵ через плечо, затем ловко, не помогая себе руками, взобрался на стрельню по шаткой приставной лестнице.

– Вона, Дмитрий Петрович, вона они, воры проклятые, – причитал дозорный, совсем еще молодой безбородый парнишка с жидким черным пухом вместо усов, тыча пальцем туда, где из сплошной стены леса выползала петлючая тропа, ведущая к Кушалино от большой тверской дороги. По ней быстрым наметом шло два, не то три десятка всадников в доспехах и с подня-

---

¹³ Городьба – забор из вертикально установленных бревен, нижний конец которых врывался глубоко в землю, а верхний заострялся.

¹⁴ Ручница – ручная пищаль для стрельбы крупнокалиберными пулями.

¹⁵ Берендейка – снаряжение пехоты с огнестрельным оружием, представляла собой перевязь с подвешенными принадлежностями для заряжания ружья, сумкой для пуль, запасом фитиля и пороховницей.

тыми вверх пиками, стальные наконечники которых зловеще сверкали в бледном перламутре умирающей луны.

– Свои никак? – с робкой надеждой спросил дозорный, разглядев, что большинство воинов было в кольчугах, а несколько всадников из первых рядов блистали стальными пластинами панцирей.

В ответ князь лишь невесело усмехнулся. Свои. Он уж и забыл, когда последний раз говорил это слово без черных мыслей и всяких подспудностей. За пятнадцать лет страшной кровавой круговерти не стало на Руси своих. Повывелись. Были союзники и сторонники, единомышленники, попутчики, последователи, приверженцы и много кто еще. Своих – не было. Вчерашние враги на сегодня становились друзьями, чтобы вместе урвать куш пожирнее и на завтра при дележке добычи перегрызться насмерть. Смутное время, что тут еще скажешь, смутное.

Выразительным взглядом укорив парня за наивность, князь перегнулся через край башни и обратился к мужикам, которые словно ждали чего-то в проеме все еще открытых ворот.

– Чего остоленели-то?

В ответ те молча указали в сторону дороги и князь, едва глянув в этом направлении, смачно ругнулся с сердцем.

– Вот беда-то, – охнул дозорный, тоже увидев, как через поле с робкой зеленью первых побегов, неровным квадратом раскинутой между лесом и окраиной деревни, бежит мужик в подпоясанной веревкой рубахе и простом бумажном колпаке, который при каждом шаге едва не падал с головы. Стремясь поскорее выскочить на дорогу, он яростно работал руками и высоко задирали ноги, перепрыгивая через кочки и ямы, но князь, наблюдая со стороны, ясно понимал, что при всех стараниях достичь ворот раньше всадников у селянина не получится.

– Куда, дурень? К лесу, – скомандовал князь, будто бегущий мог его услышать. – К лесу-то ближе.

– Захарка это, – пояснил парнишка. – Ныне они на залесных лугах ягоду посмотреть хотели. Он поутру и ушел, видать. Вот беда... как же теперь... Догонят ведь, ироды. Не сдобровать ему тогда...

– Возгри¹⁶-то подотри, – строго оборвал его князь. Он еще раз посмотрел на поле, всегда казавшееся ему маленьким и тесным клочком земли, а теперь представшее огромной бесконечной равниной, взглядом смерил ту его часть, что отделяла Захара от дороги, прикинул, сколько ему придется бежать еще до ворот и как быстро то же расстояние преодолеют всадники. Не успеет.

– Закрывай, – зычно скомандовал князь и, заметив сомнительные перегляды мужиков, прикрикнул на них не зло, но властно, – закрывай, говорю, не то всех погубите.

Перекрестившись, мужики взялись за створы, жалобно заскрипели петли на верях¹⁷, и Захар, уже выскочивший на дорогу, увидев, как закрываются ворота, за которыми его ждало спасение, как-то обмяк и враз обессилел. Он все еще продолжал бежать, но делал это скорее от безысходности, чем в надежде на счастливый исход, и даже в том, как он оглядывался на преследователей, чуялась обреченность пред ликом неминуемого.

– Прости мою душу грешную, – прошептал князь, коротко перекрестившись, но на лице его при этом не дрогнул ни один мускул.

– Ну, что там? – встревоженно спросил холоп с ручницей, к этому времени тоже поднявшийся на стрельню.

---

¹⁶ Возгри – сопли.

¹⁷ Веря – воротный столб.

– Русские, вроде. Только что за люди не ясно, – ответил Дмитрий Петрович, жестом выпроваживая дозорного – втроем им стало тесновато – и принимая из рук воина пищаль. – Заряжена?

Устроив ствол на рогатой кованой подставке, князь привычно вдавил приклад в плечо и принялся искать цель. Воровской отряд был уже совсем близко – до слуха долетали отдельные крики, топот и тревожное ржание подгоняемых коней. Выбирая среди всадников первых рядов того, кто мог бы оказаться среди них начальным человеком, Дмитрий Петрович спокойно и деловито наставлял пищальник.

– Первым пальну, потом уж сам. Снаряд береги, лучше реже бей, да цельче. В голову не меть – попасть трудно, а в грудь с близка не промажешь. Аже¹⁸ доспех не пробьешь – с седла свалишь. И еще...

Дмитрий Петрович вдруг замолчал, оборвавшись на полуслове – всадник, которого он выбрал для первого выстрела, показался ему знакомым. Оторвав взгляд от ствола пищали, он всмотрелся в фигуру, которая привлекла его внимание, и через пару мгновений томительной тишины, облегченно выдохнул, чувствуя, как нервное напряжение уступает место слабости во всех членах, которые только что были напряжены до последних пределов.

– Чтоб тебя, – ругнулся Дмитрий Петрович, но гнев этот длился недолго. Отдав пищаль холопу, уже не торопясь, князь спустился на землю и даже сподобился весело подмигнуть сгрудившимся у тюфяка ратникам, которые ответили радостной улыбкой, хотя все еще не понимали причины столь разительной перемены.

– Открывай, – распорядился Дмитрий Петрович мужикам, которые только закончили укреплять ворота оглоблями и подпорками.

Вскоре, под дробный топот копыт и громкие крики, поднимая клубы желтой пыли, что, мешаясь с утренней мглой, проглотила ворота и ближние к ним постройки, на княжеском дворе появился отряд, впереди которого гарцевал всадник на добром рослом коне, в ерихонке¹⁹ и богатом панцире с серебряным узором.

– Принимай, – коротко скомандовал он и бросил поводья коня ближайшему холопу.

Сойдя на землю, виновник переполоха взмахом руки велел остальным воинам спешиваться и снял шлем, выпустив на волю волнистую гриву светлых волос до плеч. Серо-голубые глаза внимательно и цепко смотрели на мир из-под густых и черных, будто углем нарисованных бровей, прямой с легкой горбинкой нос и темно-русые усы, переходившие в аккуратно подстриженную бороду. Таким предстал собравшимся кушалинцам князь и с недавнего времени большой думный боярин Дмитрий Михайлович Пожарский, по всей Руси именуемый теперь не иначе как спаситель отечества.

– Пошто ж ты мне шорох такой наводишь, братишка? – с улыбкой спросил Дмитрий Петрович, выступая навстречу гостю.

– А впрок, дабы ты тут мхом не порос в тепле и спокойствии, – строго молвил князь Пожарский, хотя в голосе его явно слышалась игривая нотка.

– А ну как я бы пальнул? – принял игру приезжего князя Дмитрий Петрович.

– Тю-ю-ю, – Пожарский отмахнулся от этого предположения, как от чего-то несерьезного и даже смешного. – Все одно промазал бы.

– Ой, ли?

– Ото ж. Каков ты пищальник уж ведомо – припас токмо позря переводишь.

Еще мгновение и оба князя весело рассмеялись, потом обнялись и то, как крепки, молчаливы и продолжительны были эти объятия, лучше всяких слов говорило об их отношении друг

---

¹⁸ Аже – даже если.

¹⁹ Ерихонка – тип шлема. Состоит из железной или стальной тульи с остроконечным верхом, снабженной элементами для защиты ушей, плоским козырьком, скользящим наносником, нередко – пластинчатым назатыльником.

к другу, а когда они, наконец, разомкнули объятия, стало очевидным поразительное внешнее сходство. Их отцы – Михаил Федорович и Петр Тимофеевич – были Пожарскими, приходится друг другу троюродными братьями. Родство не самое близкое, но два Дмитрия были словно близнецы. Те же крупные прямые черты лица, тот же рост и богатырская стать, и даже манера двигаться, говорить и жестиковать совпадали поразительно. Единственное, что отличало их – бороды. У Дмитрия Михайловича она была короткая, аккуратно подстриженная, тогда как Дмитрий Петрович мог похвастать окладистой и ладной бородащей, за которую получил прозвище Лопата, тогда как другого Дмитрия за глаза прозвали Хромым – сказывалась рана, полученная в боях на Сретенке два года назад.

– Ты прости уж, – заговорил Дмитрий Михайлович серьезно, без всяких шуток. – Вчера в вечер, как к себе прибыл, сразу хотел было с известием послать, да уж больно лихоимно в наших краях. Одному в лесах – верная гибель. Потому нежданно нагрнул. Не думал, что переполюх такой вызову.

– Ныне такая жизнь у нас, брат, – пояснил Дмитрий Петрович, увлекая гостя вглубь двора, – С тревогой ложимся, под набат просыпаемся, а днем от каждого шороха вздрагиваем. Лихих людей расплодилось... Надясь, слышал, окрест три деревни за ночь пожгли. Людей два дня хоронили. Ну, да полно о горестном. Кондрат Егорыч, – окликнул Дмитрий Петрович старика, который после отмены тревоги вмиг утратил проворность и теперь едва таскал ноги, с мучительной grimасой растирая здоровой рукой искалеченную. – Возьми-ка людей княжеских на заботу с дороги. Скажи, пусть баню готовят. А нам с князем меду подай. Эх, братишка, и славный мед удался. Свеженький. Не откажешься?

– Откажусь, – с искренним сожалением ответил Дмитрий Михайлович, – скорым делом под Новгород спешу, не до меду нынче. Дома только ночь провел, а ведь уж сколько не был до этого. Так что в другораз как-нибудь.

Дмитрий Петрович с пониманием кивнул и жестом пригласил гостя усаживаться за стол, сколоченный из грубо оструганных досок в тени двух яблонь, среди зеленой листвы которых еще виднелись редкие цветки с увядшими лепестками. Две молодые девки – худые, как щепки и бледные, словно отродясь не видели солнца, сменяя друг друга, выставляли угощения: кувшин с прохладным квасом и две деревянные кружки, ржаные сухари, кусочки копченого мяса, сопливые от маринада весенние грибочки, первую раннюю ягоду, горкой уложенную в небольших круглых плошках.

– Рассказывай тогда. Что тебя от скорого дела ко мне завернуть заставило? – предложил хозяин, разливая пенный квас и подвигая посуду со скромной закуской ближе к гостю.

– Заскучал, может? – шутливо ответил Дмитрий Михайлович. – Что ж я, боевого друга попроведать не могу. Сколь лиха соленого мы одной ложкой-то выхлебали?

Обоим Пожарским не было еще сорока, но доставшихся им невзгод с лихвой хватило бы на десяток старцев. Довелось им испытать на двоих много радостей и печалей, пережить немало горьких поражений и вместе, плечом к плечу, добыть победу, которая одного вознесла до небес, одарила несказанной народной любовью и славой, дала чины и титулы, а другой получил за ратные подвиги полторы сотни рублей, две кошевые лошади, пяток шрамов и тошнотворные головные боли, неизменно посещавшие его при резкой смене погоды с тех пор, как в одной из многочисленных стычек молодой Лопата прозевал подкравшегося сзади ляха и тот одарил его шестопером – благо стальной шлем уберег от верной гибели, не дав голове расколиться надвое.

А ведь Пожарский Лопата заслуживал называться спасителем отечества ничуть не меньше Хромого. Именно он с малой дружиной решительным наскоком взял Ярославль, опередив Просовецкого, который стремился не допустить к Москве второго ополчения. Именно он предупредил изменный замысел атамана Толстого, который намеревался ударить в спину еще слабых, не набравших числа и оружия отрядов Хромого Пожарского – Лопата

тогда наголову разбил казаков и гнал их через все Пошехонье²⁰ до самого Кашина. Именно он командовал передовым отрядом ополчения при подходе к Москве и, встав у Тверских ворот белокаменной, оградил подходившие полки от вылазок польского воинства и наскоков вольных казаков, не подчинявшихся ни черту, ни Богу. В конце концов, это именно Дмитрий Петрович в переломный момент главной битвы, когда ополченцы Пожарского дрогнули под натиском польских гусар и шведских пехотинцев, смог увлечь за собой не желавших идти в бой казаков, тем самым решив исход дела, а вместе с ним участь Москвы и всей Руси. Да много еще разных подвигов числилось за Лопатой-Пожарским, так что славы и наград он заслуживал ничуть не меньше четвероколенного брата.

– Заскучал? – спросил Дмитрий Петрович и лукаво посмотрел на брата. От Кушалино до вотчины Пожарского хромого, Мугреево, было двадцать верст. Хороший конный переход, который мог отнять у путников целый день, и то, что брат, всего ночь погостив в родном доме, завернул-таки с прямого пути к Лопате, говорило о многом. Дмитрий Петрович через голову стянул стегач, оставшись в темной от пота нательной рубахе. Пояс с оружием уже лежал на лавке.

– М-м-м, хорош квасок. Пробирает, – князь Пожарский повертел в руках опустошенную кружку, отставил ее, сделал вид, что рассматривает двор и хоромы, попутно задавая пустые вопросы о хозяйстве. В конце концов, внимание его привлек рисунок на глиняной стенке кувшина, и он долго изучал сплетенные в незатейливый узор разноцветные линии, а сам говорил без умолку, перескакивая с одной пустой незначительной темы на другую.

– А часовенка-то ноне ставлена? – Дмитрий Михайлович кивнул на незаконченное строение из свежетесанных бревен, еще не успевших почернеть под дождем и ветром. – Хех, градодель из тебя тот же, что и стрелок. Хреновый. Отсеялись-то как? Весна добрая была, урожай обещался. А луга? Ныне, когда через леса твои шли, порадовался. Покосы будут – дай бог.

– Нет, брат, – спокойно прервал его монолог Дмитрий Петрович. – Не поеду я, даже не проси.

Дмитрий Михайлович замолчал, отставил кувшин и впервые за все это время посмотрел на брата:

– Нужен ты мне. Дело есть – кроме тебя доверить некому.

В ответ Лопата лишь усмехнулся, саркастически невесело:

– Что ж, кроме меня, надежных служилых на Руси не осталось боле? Не гляди на меня так, Дмитрий Михайлович. Мне самим царем отдых от службы на год даден был. Так что... Да и рана, – Лопата повел правым плечом, гримасой давая понять, что движение это дается ему через боль. Дмитрий Михайлович попытался было вставить в речь брата подготовленное возражение, но заранее продуманные слова сейчас показались ему глупыми и пустыми, так что, на глубоком вздохе издав пару междометий, он все же промолчал.

– А ты вотчину мою видал? – продолжал меж тем Дмитрий Петрович и теперь уже в глаза брата избегал смотреть он. Уставившись в одну точку, он будто старался убедить в собственной правоте самого себя, но чем резоннее звучали его доводы для Хромого-Пожарского, тем большим предателем чувствовал себя Пожарский Лопата. – Покосы мои его радуют. Все кругом бурьяном поросло – пахать некому. Да что там... младшой меня батей не называет. Дядька я для него. А кому пенять? Да и старший за десять лет меня четыре раза видел. Жена и та... как чужая первую неделю была. Так что... нечего попусту воду в ступе толочь. Ежели ради этого ты меня навестил – зря. Не поеду я. Прости.

Одновременно вздохнув, тяжело и протяжно, братья молчали. Лопата, опустив голову, изучал вязь, образованную на поверхности стола переплетением древесных волокон, мелких царапин и трещин. Дмитрий Михайлович, оглаживая бороду, смотрел в небо, где по синему

---

²⁰ Пошехонье – местность по берегам реки Шексны (Шехоны), вытекающей из Белого озера и впадающей в Волгу.

покрывалу рассыпались белые хлопья облаков. Над головами, невидимые в зелени яблоневых крон шебаршились воробушки, из распахнутых окон хором доносился веселый детский смех, в спрятанной где-то на задворках кузне глухо и размеренно бахал молот, на летней кухне под легким навесом степенно возились бабы, затеявая толоконную кашу к завтраку²¹.

– Заруцкий Астрахань взял, – спокойно молвил Дмитрий Михайлович, но Лопату при этих словах будто жегалом²² кто ткнул. Он, вздрогнул, резко подался назад, словно уклонялся от удара невидимой руки, в глазах мелькнула растерянность и недоверие – уж не пошутил ли Дмитрий Михайлович по случаю.

Казацкий атаман Иван Мартынович Заруцкий был достойным сыном эпохи, спустя годы названной потомками Смутным временем – присягал на верность новым самозванцам так же легко и безраздумно, как впоследствии предавал их. Он входил в Москву с отрядами вора Дмитрия, в поимке и жестокой казни которого затем участвовал с большим удовольствием. Он грабил столичные предместья с мужиками Болотникова и помогал Илейке Муромцу выдавать себя за царевича Петра, пока Скопин-Шуйский не покончил с ним в Туле, из которой Заруцкий сбежал перед решающим штурмом, бросив в осажденном городе своих людей. Он был первым думным боярином Тушинского вора²³, которого после с жаром обличал в самозванстве, придумывая для него такие казни, что даже у самых жестоких окаемов²⁴ стыла от ужаса в жилах кровь. Он штурмовал Смоленск в составе войска Сигизмунда и с гусарами Жолкевского понуждал москвичей присягать королевичу Владиславу. А потом осаждал в Кремле недавних своих товарищей в рядах первого ополчения, воеводу которого – Прокопия Ляпунова – позднее собственноручно убил, прельстившись щедрыми посулами шляхты.

А когда поляков таки сковырнули из Кремля и на соборе всем миром избрали на царство Михаила Романова, лихой атаман, не довольный тем малым, что досталось ему от общей победы, объявил войну всем и вся. Его казачки изрядно накуролесили по южным окраинам Руси. Жгли, убивали, грабили, пока под Воронежем их в пух и прах не разбил воевода Одоевский. После этого Дмитрий Петрович уже и не чаял услышать о Заруцком ранее, чем поведут его к виселице. Однако ж, сам атаман думал по-другому.

– Как же стало такое? – спросил Дмитрий Петрович после долгого молчания. – У него ж людей осталось – кот наплакал. Как же он Астрахань повоевать смог?

– А бес его знает, как! Измена, может. Ныне без нее не одно дело не обходится, – Дмитрий Михайлович сердито смахнул с плотно подогнанных досок несколько подсохших листочков, но быстро взял себя в руки и, отпив холодного кваса прямо из кувшина, заговорил уже гораздо спокойнее. – Да и неважно нынче, как. Взял уже. Воеводу тамошнего и всех, кто верен ему остался – вздернул. Много другого народу побил.

– А Одоевский что ж?

– В Казани. Силы его поистрепались изрядно. Ныне ему на Астрахань идти – войско по зря гробить. Не ране весны готов будет.

– Так и что за беда? Посидит Заруцкий до весны в Астрахани – да и пушай себе. Ну, пограбят его казаки малость волости окрестные. Хорошего, конечно, мало и лучше б без того обойтись, но...

---

²¹ Завтрак – завтрак.

²² Жегало – каленое железо, которое использовали, чтобы клеймить скот.

²³ Тушинский или Калужский вор – Лжедмитрий II, (дата и место рождения неизвестны – погиб 11 (21) декабря 1610 года, Калуга) – самозванец, выдававший себя за сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия и, соответственно, за будто бы чудом спасшегося 17 (27) мая 1606 года царя Лжедмитрия I. Настоящее имя и происхождение не установлено, на этот счет существует множество версий.

²⁴ Окаем – головорез, лихой человек, в некотором смысле древнерусское «окаем» соответствует современному жаргонизму – «беспредельщик».

– Э, нет, брат, – Дмитрий Михайлович перебил Лопату. – Ныне так сталося, что просто грабежом все не кончится. Надясь прибыла к нему в Астрахань Маринка Мнишек²⁵. Воренка-байстрючонка еенного от вора тушинского они законным царем объявили. Заруцкий при нем опекуном и регентом. Под это дело поход большой на Москву готовится. Да-да, брат, сызнова все начинается. Люди верные доносят, деи, двадцать тыщ атаман собрал – со всего порубежья ватаги воровские в Астрахань идут. А еще бы!!! Земли раздает, как дурак семечки. Только присягни да людей поболее с собой приведи. Ближним своим уж пол Руси роздал, таких коврижек после победы наобещал, что они теперь из кожи вылезут, лишь бы воренка на престол усадить. Каждый, кто Михаилом обделен оказался, теперь мнит под сурдинку свое урвать. А у нас и без того бед... Ляхи ото всюду жмут. Свея²⁶ в северных землях лихо сеет. Черкасы с крымцами себе вольную. Ежели ныне еще и на Волге полыхнет... Понимаешь ли, чем сие обернуться может?

Дмитрий Петрович понимал. Сколько довелось повидать ему сожженных деревень, где на обугленных развалинах в голос выли обезумевшие от горя женщины. Никогда не забыть ему брошенных городов, на опустелых улицах которых дикое зверье терзало еще живых, но обессиленных от голода людей. Всю жизнь будет помнить он бесконечные вереницы бродяг, худых и оборванных, молчаливо плетущихся по пыльному шляху мимо пепелищ и виселиц с полуистлевшими трупами, под ногами которых в ожидании чуда сидели осиротевшие дети.

На фоне этих незабываемых картин вспомнилось вдруг Дмитрию Петровичу, как покойный теперь уж отец однажды поднял его – отрока четырнадцати лет – под утро, перед самым рассветом, встревоженный и не на шутку возбужденный. На дворе, освещенном кострами и факелами, царила суматоха, туда-сюда бегали дружинники без доспехов, домашние слуги князя и деревенские мужики. Из кухни доносился дразнящий аромат свежего хлеба, а в открытое окно веяло горячим ветром с запахом жженой полыни.

– Одевайся, живо, – скомандовал отец и на слезные причитания матери о малом возрасте дитятки сурово ответил: – Он не дите – князь будущий. А мне ныне каждый нужен.

Оказалось, к дальнему полю ржи, что уже налилась тяжелой спелостью зерна, подбирался степной пожар. Когда Петр Тимофеевич со своими людьми прибыл на место, огонь был еще далеко и о приближении беды говорило только небо, затянутое серой дымной пеленой, в центре которой тусклым оранжевым пятном угадывалось солнце. В остальном же, это было обычное утро, тихо щебетали птицы и лес переговаривался с ветром размеренным гулом колеблемых крон. Потому юному Дмитрию смешно было наблюдать за тем, как отец, такой большой, сильный и бесстрашный, с несказанным отчаянием встретил гонца, еще утром посланного за помощью к владельцу соседней деревни и теперь прибывшего с отказом, как в волнении метался вдоль нивы, где мужики распахивали широкую полосу земли, и с тревогой вглядывался в горизонт, на котором уже нет-нет да проскакивали красные сполохи.

Вскоре бездушный гость припожаловал и предстал во всем своем великолепии. В неукротимом буйстве он вздымал к небесам столбы трескучего огня, изрыгал языки багрового пламени, прикосновение которых все живое обращало в белесый дым и черную копоть, злобно гудя, разбрасывал мириады искр, что огненным дождем сыпались на почерневшее золото ржи, рождая все новые и новые очаги пожара. Как же нелепы и бестолковы были усилия людей. Едва успевали они затоптать, захлестать ветками один горящий пятячок, а вокруг их уже возникало еще с десятков. Безжалостно пожирая сухие тонкие колоски, они слились в сплошную линию огня и смертоносной стеной двинулись на глупых букашек о двух руках и ногах, посмевавшихся

---

²⁵ Марина Мнишек – дочь сандомирского воеводы Ежи Мнишека и Ядвиги Тарло, жена Лжедмитрия I, венчанная с ним в мае 1606, незадолго до его гибели, и коронованная как русская царица; затем жена следующего самозванца, Лжедмитрия II, выдававшего себя за первого. Активно участвовала во всех основных событиях Смутного времени. Родилась около 1588 г., умерла в 1614/15 году.

²⁶ Свея – шведы.

сопротивляться вечной непобедимой стихии. Дмитрий Петрович помнил, как, бросив все, он бежал сквозь горячий вонючий туман с хлопьями сажи, как перепуганная земля мелкой дрожью билась у него под ногами, а за спиной у него буйствовал огненный смерч, в пекле которого живой цветущий мир перемалывался в мелкий черный порошок.

Пожар хозяйничал в окрестностях трое суток. Бед натворил – бессчетно. Обуглил леса, на корню погубил весь урожай и оставил без крова две сотни семей. Кушалино уцелело каким-то чудом – говаривали, старый священник, обитавший в часовне поместья, знал особую молитву, помогавшую останавливать пламя. К отцу потянулись погорельцы из соседних деревень. Среди них оказался и тот самый боярин, у которого накануне просили помощи. Беда не пощадила и его – в обугленную пустыню обратила всю вотчину.

– Что ж ты, за печкой отсидеться хотел? – выговаривал ему Петр Тимофеевич, едва сдерживая желание стегануть плеткой по закопченной обожженной харе. – Дал бы мне три десятка людей, остановил бы я его, покуда силы не набрал. Цела бы волость осталась. Убить тебя мало, сука падлючая.

Вернувшись в день сегодняшней, Дмитрий Петрович молча оглядел усадьбу: обновленная городьба, на треть из свежеструганных кольев; часовня, поставленная еще дедом, подновленная отцом и расширенная уже им по возвращении с собора, на котором избирали нового царя, обещавшего русской земле вечный мир и спокойствие; двухэтажные хоромы с подклетом²⁷ из почерневших от времени бревен, наново сработанный куполок над повалушей²⁸ в дальнем конце терема, каменная подошва, на которую уложено уже было три венца будущего амбара – Лопата самолично собирал с полей валуны и валил строевые сосны в ближайшем лесу; небольшой сад, старые яблони со следами свежей обрезки на могучих запущенных стволах и рядом молодые саженцы нынешней весны. И всего этого уже нет, все это уже пепел.

– Вот потому я и здесь. Ныне мне надежный человек нужен. А на кого еще положиться могу? Попритихли все, затаились. Даже бояре думные не спешат новому царю верой и правдой служить. Глядят, как дальше повернется. Может, к Заруцкому или к ляхам переметнутся повыгодней станется. Только на тебя надежда. Один ты у меня свой остался.

Слова эти, так искренне и просто сказанные человеком, которого Лопата и сам считал единственным своим в этом страшном неверном мире, стали той малой песчинкой, крохотной частичкой необъятного, что склоняет чашу огромных весов истории в одну из сторон, за мгновение решая судьбы целого мира.

– Что ж за дело для меня? – с тяжелым вздохом спросил Дмитрий Петрович, поворачиваясь к брату.

– Воеводой встать на Самаре, – мгновенно откликнулся Дмитрий Михайлович. – Боле вора́м нигде преграды не поставишь. Саратов с Царицыном как в прошлые года пожгли, так они руинами и лежат. Одна Самара на низу Волги задержать их сможет. Одоевскому, чтобы войско собрать, время нужно. А покуда суть да дело таких бед натворят крамольники.

– Войско каково?

– Стрельцов сверх тыщи будет, – Дмитрий Михайлович заметно преобразился, в его словах и жестах сразу же появилась знакомая деловитость и оборотливость. – Иных служилых тыщи три, почитай, наберется. Огненный бой имеется. Сила, конечно, не большая, но со знанью да умением твоим...

Дмитрий Михайлович подробно рассказывал, что представляет собой Самарская крепость, перечислял, какие силы в ней сосредоточены, где и в чем слабые места сей фортеции, что и как, по его мнению, нужно сделать в первую очередь, дабы стала она надежной загра-

---

²⁷ Подклет – в старом русском зодчестве: нижний (обычно нежилой) этаж деревянного или каменного дома.

²⁸ Повалуша – башнеобразный большой и высокий (обычно на подклете, иногда 2-ярусном) сруб под отдельной крышей в хорамах и больших жилых домах в русской деревянной архитектуре.

дой на пути отрядов очередного самозванца. Но Дмитрий Петрович слушал его вполуха, ибо все помыслы сейчас заняты были другим. Как сказать Феодосье Андреевне, что кончилось ее женское счастье, не успев начаться. Как объяснить ей, почему ради обороны далекой волжской крепости он должен оставить на произвол судьбы родное поместье, где защита его нужна ничуть не меньше, ибо без счету орудуют в окрестных лесах шайки недобитых поляков, прочего иноземного сброда и казаков, что за годы смуты привыкли жить без закона и совести. Как втолковать детишкам, что игрушечный струг, который на днях они собирались пускать по ручью, теперь так и останется недоделанным, а обещавший отныне никогда не покидать их отец должен отправиться на край земли, к Дикому полю²⁹, чтобы воевать с каким-то Заруцким, которого они в глаза не видывали.

– Главное, до весны удержать вора, не дать ему вверх по Волге пройти. А там Одоевский отряды соберет, тогда уж одним махом всех изменников накроете.

Дмитрий Петрович в ответ лишь согласно кивнул головой без особой радости и азарта, который испытывал в былые времена при обсуждении грядущих походов:

– Как будешь в Торжке, – обратился он к брату. – Пошли гонца от себя на Москву, чтобы бояре думные с грамотой на воеводство не тянули. Быстро сделали.

Улыбнувшись хитро и, как будто заранее прося прощения, Дмитрий Михайлович ловко извлек из небольшого мешочка на поясе свернутый в трубку листок с царской печатью на перевязи.

– Знал я, что не откажешь. Потому грамотку вперед заготовил.

На этот раз Дмитрий Петрович тоже улыбнулся и покачал головой, словно пеняя брату, но без обиды и осуждения.

– Коли так, то и мешкать нечего. Кондрат Егорыч. Снаряди людей до Луки и Мишки Соловцова. И к Гумеру тож. Хватит на печи калачи трескать, пуцай на службу собираются – через три дня выезжаем. Нет, через два. Тянуть не станем. А ты здесь останешься. И не хмурься. Не на развлечение остаешься. Усадьбу беречь, княгиню хранить. Еще кому из нас круче придется – неизвестно. Так что...

– Вот и ладно. За хлеб соль спасибо, про мед твой помнить буду, должен угощение останешься, а ныне пора мне, – постановил Дмитрий Михайлович, вставая из-за стола и, ненадолго замаявшись, молвил нерешительно и хрипло. – Феодосье Андреевне земной поклон передай и... пусть зла на меня не держит.

– Хорошо. Ну, брат, живы будем, не помрем, а не помрем, так свидимся.

Князя обнялись, без слов сказав друг другу все, что должны знать и говорить воинские люди перед расставанием, которое может стать последним, после чего Дмитрий Михайлович уже не оборачиваясь зашагал к лобному месту, где его ждала малая рать.

– По коня-я-я-м!!!

---

²⁹ Дикое Поле – историческая область неразграниченных и слабозаселённых причерноморских и приазовских степей между Днестром на западе и Доном и Хопром на востоке.

Глава вторая

Сборы заняли сутки – на исходе второго дня малая дружина из боевых холопов Пожарского и десятка верных детей боярских³⁰ была готова. Выступить решили затемно, чтобы по свежести раннего утра достичь небольшой дубравы и там переждать полуденную жару, а ближе к вечеру снова двинуться в путь. Всю ночь Лопата провел на дворе, проверяя подготовленный снаряд, припасы и состояние лошадей. Лично все осмотрел, пощупал, отмерил, велел подтянуть, что болталось, и ослабить, что по усердию затянули слишком туго, распорядился избавиться от излишка харчей и взять поболее зелья³¹ для огнестрелов – мало ли что случится в дальнем опасном пути.

Прощаться Пожарский не любил – предпочитал не мучить себя и близких, поэтому в хоромы вошел только перед самой отправкой, когда поставленные под седла лошади уже нетерпеливо фыркали на дворе и дружинники в легких походных доспехах ждали только сигнала. Княгиня была в детской части жилища. Бледная, потухшая и за две ночи постаревшая на десяток лет, она сидела у кровати, где в два носа мирно и беззаботно сопело единственное ее счастье. Рядом чадила наполовину обугленная лучина, в ее тусклом свете Феодосья склонилась над пяльцами, но рука с вонзенной в материю иглой оставалась недвижимой, а взгляд, отсутственный и туманный, замер на спящих детях.

– Готово все, – коротко сообщил Лопата, остановившись на пороге, как у черты, переступить за которую не смел, ибо знал, что тогда быстро уйти у него не получится.

Княгиня вздрогнула, иголка выпала из рук и повисла на длинной нити, стремительно раскачиваясь из стороны в сторону, как маятник судьбы, что совершает неумолимый ход от горя к радости, от яркого счастья к черным невзгодам, почти не задерживаясь в середине. Феодосья встала, не поднимая глаз, красных от бессонницы и слез, подошла к мужу и едва только меж ними осталась пара шагов, как все заготовленные речи и обычные для таких случаев церемонии растворилось в приливе нежности, смешанной с отчаянием и страхом. Она молча протянула мужу маленький берестяной образок, вздетый на толстую суровую нитку, но при этом не смогла сказать положенных слов, мысли свернулись тугим перепутанным клубком и не в силах сглотнуть подступивший к горлу ком, княгиня бросилась на грудь мужа, тонкими ручонками обхватила могучую шею и, уткнувшись в пропахший порохом и пылью походный кафтан, залилась беззвучными слезами.

– Ну, полно. Будет, Феденька, – уговаривал ее князь, неуклюже обнимая трясущиеся плечи. – Слезами тут не поможешь.

Так они долго стояли посреди сгустков мрака и тишины, сотканной из несказанных слов и душевных терзаний. Феодосья не отрывалась от груди мужа, как будто хотела на предстоящую разлуку надышаться его запахом, а Дмитрий Петрович нежно и ласково, словно хрупкую фарфоровую куклу, держал жену в своих сильных ручищах и, положив подбородок поверх ее головы, молча смотрел на детей: младший по пояс укрытый цветастым шивным одеялом, в тонкой, почти прозрачной ночной рубахе казался до боли уязвимым и беззащитным, а старший, накануне мытьем и катаньем вырвав у отца обещание взять его в поход, сморенный ожиданием, спал в одежде, обняв самодельную деревянную саблю.

– Пора.

---

³⁰ Дети (или сыны, в значении слуги) боярские – сословие, существовавшее на Руси в конце XIV – начале XVIII веков. В XVI – XVII веках дети боярские вместе с дворянами входили в число «служилых людей по отечеству» и несли обязательную службу, за которую получали поместья, записывались в десятни по уездам и составляли русскую конницу «сотенной службы».

³¹ Зелье – порох.

В ответ княгиня прижалась еще теснее, так что у Лопаты перехватило дыхание и сладкой болью защемило в сердце. Набрав побольше воздуха, словно собирался нырнуть в морскую пучину и достать до самого дна ее, Дмитрий Петрович мягко отстранил жену, но, едва только она покорно сделала шаг назад, притянул ее обратно, градом поцелуев осыпал лицо, напоследок жарко прильнув к влажным соленым губам, и, глядя в бездонно синие глаза, тихо прошептал:

– Детишек береги. И сама... ну вот.

Резко развернувшись, Дмитрий Петрович поторопился, чуть не бегом кинулся, к выходу, а Феодосья еще долго стояла, прислонясь к бревенчатой стене, что стала вдруг холодной, почти ледяной, и жадно ловила в гуле, доносившемся с улицы, голос мужа: слова короткой воинской молитвы, простая напутственная речь, последние наставления для дядьки Кондрата и громкое «по седлам», потонувшее в лязге металла, ржании коней и топоте подкованных копыт. И только когда стихла суета, а тишина – вечный спутник всех ждущих, накрыла опустевший двор, княгиня ожила, медленно прошла в передний угол горницы и, на колени встав пред божницей³², зашептала давно уж заученную наизусть молитву, хранящую ратника посреди похода и кровавой битвы.

На исходе пятого дня скорого безостановочного марша дружина достигла Ярославля, где погрузилась на восмивесельный струг и продолжила путь по Волге. Погода благоволила: небо было ясное и попутный ветер легко гнал судно по спокойной реке. Но Пожарский, не довольный медленным ходом, держал дружинников на веслах, а сам, угрюмый и молчаливый, стоял на носу, словно хотел побыстрее разглядеть укрытую за лесными далями крепость. На самом же деле все это время князь мечтал только ослепнуть.

Земля, разоренная войной и безвластием, была пуста и ужасающе безлюдна. Вместо рыбацких причалов теперь из воды торчали обугленные сваи, между которых виднелись обгоревшие остовы стругов, разбитые ялики и дырявые днища перевернутых лодок. Где раньше посреди хлебных полей стояли деревни на полсотни дворов, ныне малочисленные чудом уцелевшие пахари ютились в шалашах вокруг обгорелых печных труб, а плодородная нива заросла лебедой и чертополохом. В городах, где прежде шумела торговля и мягкий говор персидских купцов сливался с резкой грубой речью ганзейских негоциантов, теперь поселились тишина и страх, что заставлял редких жителей при виде струга с вооруженными людьми торопливо закрывать ворота, в ужасе прячась по тайным схронам и погребам. И всюду пепелища, виселицы, на которых болтались сухие, изъеденные червями скелеты в истлевшем тряпье.

Над Волгой стояла тошнотворная вонь гниющей плоти. Трупы, остекленевшие и разбухшие, обезображенные временем и рыбой, по одному и скопом проплывали мимо, с глухим стуком бились о деревянный борт, неспешно дрейфовали в поросших камышом и осокой заводях, тербимые волнами, лежали на отмелях и влажном прибрежном песке, где над ними со звонким гудением роились черные тучи жирных мух. Воронье откормилось настолько, что уже не могло летать и медленно переходило от одного трупа к другому – их не пугали даже стаи диких собак, которые от обилия пищи стали добродушно ленивыми и не порывались устроить свару, даже когда одна выхватывала из пасти другой недоглоданную кость.

Все это вгоняло Лопату в жуткий сплин, от которого нигде и ни в чем не находилось ему спасения. Мысли, мысли, мысли. Черные, как самая беспросветная ночь, тяжкие и неотступные, как недуги старика. Они лишали его сна по ночам, днем превращая в потерянного молчуна. Пока воины мирно дремали, с азартом играли в зернь³³ и развлекали друг друга бай-

---

³² Божница – полка или киот с иконами.

³³ Зернь – азартная игра в небольшие косточки с белой и черной сторонами, особенно распространённая в России в XVI и XVII столетиях, а также именование самих косточек.

ками о ратных подвигах, князь стоял у ростры³⁴, вперив взгляд в проплывающий мимо берег. Обращенные к нему вопросы Дмитрий Петрович либо не замечал, либо отвечал на них бессловесным кивком или невпопад. По старой дружинной традиции садясь за общий котел, он просиживал с зачерпнутой уже ложкой так долго, что горячее хлебово превращалось в ледяные помои и обнаруживал, что не съел ни куска, только когда сотрапезники уже скребли дно опустевшей посуды.

Но все разительно изменилось, когда на рассвете десятого дня, в аккурат на Мефодия Перепелятника³⁵ струг миновал Лысую гору³⁶ и совсем скоро вдали, среди поросших густым ельником склонов, вплотную подступавших к воде, и пыльно-зеленых холмов, вспоротых желтыми рубцами оврагов, показалась самарская крепость. Лопату будто бы подменили. Он, по-прежнему, был молчалив и задумчив, но теперь это была уже не та хандротная молчаливость, в которой князь пребывал всю дорогу от Ярославля до крутого поворота Волги у Царева утеса³⁷. Теперь князь молчал сосредоточенно и деловито, а в каждом взгляде и движении его сквозила такая энергия, от которой могла бы закипеть вода за бортом.

Гребцы, обрадованные скорым концом путешествия, заработали дружно и бойко, так что струг резво побегал по воде, оставляя после себя две вспененные волны. Опытный кормщик уверенно вел судно между больших и малых островов, которыми усыпано было русло Жигулевский излучины³⁸. По левому борту тянулись бесконечные холмы, укрытые густым покрывалом непролазных лесов, а справа на реку наступали Шелехметские горы, у подножия которых, закутавшись в камыш и осоку, дремали затоны, озера и болотца.

Вскоре показалась пристань – дощатый настил на толстых дубовых опорах, высоко поднимавшихся над водой – в виде огромного «твердо»³⁹: ножка на шест⁴⁰ врезалась в русло реки, а длинную перекладину, расположенную параллельно берегу, окружили паруса рыбацких лодок, в гуще которых выделялась парочка купеческих баркасов. Чуть дальше из воды поднимался большой остров – Тушки⁴¹, отделенный от самарского берега Волги узкой перебежкой. Рядом с рыбацкой пристанью, на пологом спуске шириной в сотню шагов беспорядочно, словно строили ее с дикого похмелья, разметалась Воскресенская слобода: у самой воды старые лодки с давно несмолеными бортами, развешенные сети, огромные деревянные корыта с засоленной рыбой, чуть выше – вросшие в грязь землянки, небольшие домишки постоянных обитателей, да шалаши ватажников, горстями рассыпанные вдоль добела вытоптанной дороги, что за слободой петляла меж холмов к воротам Спасской башни. Крепость, четырехугольный острог за высоким палисадом⁴² с десятком обветшалых черн, – зеленых от времени башен – стояла на холме. Один его склон пересек глубокий непроходимый овраг с рукотворными укреплениями вдоль края, а другой обрезал крутой обрыв, под которым лениво журчала речка Самара, чуть ниже впадавшая в Волгу. Неровная местами перекошенная городьба словно увязла в грязи и навозе, внутри теснились убогие домишки под соломой, тесно наклепленные вокруг детинца с амбарами, складами и казармами, а над всем этим расползался смог из дыма, пыли и неве-

---

³⁴ Ростра – таран с металлическим наконечником в носовой части военного корабля.

³⁵ Мефодий Перепелятник – 3 июля, к этому дню поспевают колосья, поэтому на поля в большом количестве слетаются перепела.

³⁶ Лысая гора – вершина Жигулёвских гор, находящаяся на границе города Жигулёвска, между городом и Жигулёвским заповедником.

³⁷ Царёв утес или курган – это небольшая гора-останец расположенная на левом берегу Волги, в месте, где река Сок впадает в Волгу.

³⁸ Жигулевская излучина – старое название самарской луки.

³⁹ Твердо – буква «Т» в старой русской кириллице.

⁴⁰ Шест – старорусская мера длины, равная примерно 21,336 м.

⁴¹ Тушки – ныне остров Поджабный.

⁴² Палисад – тип крепостных укреплений, вертикально врытые в землю бревна с заостренными концами.

сомого пуха одуванчиков, в серой пелене которого ярко сверкали позолотой купола Троицкой церкви.

– Ух, глухомань, – раздался за спиной князя низкий голос с соленой хрипотцой, особенно сильно заметной на гласных. – У иных бояр горница и та поболее будет.

Это был Лука Вышеславцев по прозвищу Бешеный. Невысокий и коренастый, он стоял у левого борта и, между делом поглядывая на крепость, легко, непринужденно забавлялся с «утренней звездой»⁴³. Усеянный иглами шар рассекал воздух свистящей серебристой молнией, настолько стремительной, что за ее мельканием не успевали ни взгляд, ни мысли. Он то взлетал в самую высь, откуда обрушивался на головы невидимых врагов, то стелился над палубой, иногда даже снимая с досок тонкую стружку. То, словно отвязанный пес, получивший команду «взять», устремлялся вперед, вылетая далеко за борт, то описывал круги в непосредственной близости от Луки, грозя при малейшей оплошности раскрыть его череп. Густые пшеничные кудри при каждом движении взлетали вверх и затем рассыпались по плечам, а заплетенный в маленькую тонкую косичку кончик длинной клинообразной бороды был зажат в зубах, сквозь которые с каждым новым движением вырывался резкий свистящий выдох. Лицо же оставалось абсолютно бесстрастным, оно вообще было настолько грубым и прямообразным, будто неумелый ленивый мастер на скорую руку высек его из камня в тот день, когда совсем не было настроения трудиться.

На Луке была рубаха самого простого сукна и покроя – из широкой горловины вырастала мощная шея, а закатанные до локтей рукава обнажали предплечья, где под загорелой бронзовой кожей тугими жгутами играли мышцы в рубцах застарелых ран. Рубаху подпоясывал широкий ремень: добротная, умело прошитая кожа – таким качеством не всегда отличались пояса больших бояр или купцов, что любили щегольнуть богатством и роскошью – но при этом самая обычная пряжка и никаких тебе украшений: заклепок, каменьев и золотых накладок. Вместо всей этой мишуры в огромном множестве были рассыпаны медные кольца для подвязки кинжалов, петли для чеканов⁴⁴, булавы и шестоперов, а еще четыре накладных кармашка, в которых прятались ножи с Т-образной рукояткой и миниатюрным лезвием чуть боле вершка⁴⁵ в длину. Сейчас пояс был пуст, но в полном снаряжении он мог заменить собой арсенал десятка бойцов. Просторные штаны, заправленные в сапоги с широкими голенищами – чтобы надевать можно было поверх поножей⁴⁶, были изрядно потертые и во многих местах залатаны, а чуть выше колена с обеих сторон связанные в аккуратные узелки болтались шнурки для крепления набедренных ножен.

Сын, внук и правнук дружинников, пращуров которого под началом юного князя Александра бились со шведами на Неве и в отряде Олега приступом брали далекий сказочный Царьград, Лука был рожден для ратной службы. В кровавой гуще сражений он никогда не терял хладнокровия, отродясь не ведал страха и был на короткой ноге с удачей, а оружием владел так, что даже тонкая ломкая хворостина в его руках становилась смертельно опасным предметом. Порой одного лишь появления Луки на поле боя было достаточно, чтобы переломить ход неудачной битвы и обратить в бегство врагов, которые уже мнили себя победителями. Иногда он даже не обнажал для этого саблю, ибо достаточно было подняться повыше и крикнуть по громче, чтобы увидели и услышали все: «Эгей! А ну, давай, православные-е-е!». И у каждого, кто слышал этот призыв удесятерились силы, последние трусы становились отчаянными

---

⁴³ Утренняя звезда – холодное оружие ударно-дробящего действия в виде снабжённого шипами металлического шарика на длинной цепи.

⁴⁴ Чекан – боевой топор с лезвием в виде клюва и плоским бойком на обухе.

⁴⁵ Вершок – старинная русская мера длины, равная примерно 4,44 см.

⁴⁶ Поножи – часть старинного защитного вооружения в виде железных пластин, прикрывающих ноги от колена до щиколотки.

храбрецами, а уже потерявшие было надежду и мечтавшие только о бегстве, вдруг яростно бросались в атаку на врагов, обескураженных от такой перемены.

Но едва лишь развеялся пороховой дым и сабли возвращались в ножны, как из разудалого храбреца, которого все обожали и, не задумываясь, готовы были отдать за него жизнь, Лука становился занудной насупой⁴⁷, вечно кислым ворчуном, которого предпочитали обходить стороной. Он целыми днями пребывал в скверном расположении духа, был хмур и молчалив, открывая рот только чтобы изрыгнуть очередное ругательство. И если на поле боя сквернословие лилось из него как складная песня, что восхищала красотой и сочностью речистых оборотов, то посреди тишины и спокойствия оно звучало до омерзения скабрёзно и резало уши даже тем, кто не отличался набожностью и сам любил пустить в ход крепкое слово.

От зеленой тоски Лука искал спасения в кабаках и питейных, где закатывал шумные пирушки, на которые спускал все кормовые деньги и жалованье – не только уже полученное, но даже еще не выплаченное. Дни и недели он проводил в компании горьких пьянчуг, пропащих бездельников и непотребных девиц. Медовуха и брага текли рекой, богатые яства отдавались собакам, потому что на столе не было свободного места, а Лука тут же требовал новых угощений для своих друзей, которых путал по именам и в трезвости не мог смотреть на них без презрения. И потому, чем больше лилось вина и звонче раздавался смех сотрапезников, тем более одиноким и неприкаянным ощущал себя он среди обитателей этого мира – мира сытого веселья и беспечного разврата, так что отогнанная ненадолго тоска вскоре возвращалась и на этот раз не одна, а с подругами – желчной раздраженностью, ожесточением на самого себя и всех окружающих. А поскольку Лука, как всякий русский, ни в чем не знал меры и легко впадал из одного неистовства в другое, шумные гуляния эти неизменно заканчивались драками, в которые втягивались все, кто оказывался рядом, и которые нередко перетекали в буйное кровавое побоище, когда в ход идет все, что попадает под руку, от опустевших винных кувшинов до лавок, обломанных ножек стола и кольев ограды.

Но этот горький пропойца, шляясь по питейным в заляпанном брагой и жиром, грязном разодранном кафтане на распашку, задираясь почем зря и на ровном месте устраивая ссоры, без памяти валяясь под столом среди пустых братин⁴⁸, объедков и собственной блевоты, казалось, только и ждал сигнала боевой трубы, чтобы преобразиться до неузнаваемости. Взгляд прояснялся, из него исчезала хмельная муть пополам с тоскливой зеленью, вместо них появлялся колючий холодок самоуверенного спокойствия, орлиная цепкость и жажда дела, настоящего опасного дела, вспыхивала в глубине серо-голубой бездны. Сейчас, много дней проведя на струге в бездельной тоске и унынии, упоенно крутивший утреннюю звезду Лука напоминал скакуна, что в самом расцвете сил оказался заточен в конюшне и теперь всем нутром рвался из опостылевшего стойла на необозримый степной простор, где мог в бешеной и опасной скачке забыть обо всем, что терзало его душу и мысли посреди тишины мирной жизни.

Со всех сторон за ним наблюдали десятки глаз. С кормы, заканчивая последние приготовления к высадке, посматривали дружинники князя: бывалые с ленивым одобрением, молодые с горящими от восторга глазами старались запоминать движения и выпады. Кормчий и гребцы, не отрываясь от своих дел, косились на Луку и уважительно покачивали головами, когда он исполнял что-то особенно ловкое и зрелищное. От ростры с недовольством взирал на все происходящее сам Дмитрий Петрович. Лука же, ни на кого не обращая внимания, пригибался, уклонялся, легким переступом уходил с линии атаки и стремительно разил воображаемых противников, при этом продолжая разговаривать сам с собой:

---

⁴⁷ Насупа – старославянское слово, сердитый человек, угрюмый.

⁴⁸ Братина – сосуд для пива или вина в виде небольшого корытца с рукоятками.

– Занесет же нас вечно в такие места, куда иные служаки ни пешком, ни верхами за всю жизнь не доберутся. Что не поганее место, что не труднее дело – нам. А как награды да милость царицы делить...

– Коли служба при мне разбогатеть не дает – дело вольное, – наконец, заговорил Лопата, который все это время, мрачней с каждым словом Луки, надеялся, что тот остановится сам, но терпение князя кончилось раньше, чем ворчания Вышеславцева. – Пусть чист на все стороны, держать не стану. А при твоих умениях – надолго без господина не останешься.

Лука остановился, словно невидимый враг, с которым он вел это сражение, после многих безуспешных попыток все же сумел поразить его. Ноги распрямились из боевой пружинящей стойки, руки опустились вдоль тела, которое сразу же стало грузным и неуклюжим, будто и не оно вовсе только что неуловимой бабочкой порхало над палубой.

– Да я разве о том, Дмитрий Петрович, – с добродушной улыбкой посетовал он. – Сам же знаешь, я за тобой хоть куда пойду. Но... – ловко крутнув несколько раз оружие, Лука намотал цепь на руку. – Обидно. Не за себя. За тебя, князь. За ребят. Нешто они мене других милости царской достойны? Ныне те, кто в лихие времена за печкой отсиживался, али того хуже, изменой промышлял, богатство и почет обрели. А кто верность хранил... тому заместо алафы⁴⁹ новые службы. Да такие... эх, чего говорить-то.

Не договорив, Лука направился на корму, где с показным безразличием устроился между другими служилыми, которые с удовольствием потеснились, хотя вокруг было много свободного места.

– Защищ взбеленился-то? – спросил оказавшийся рядом дружинник. Невысокий, сухопарый, словно сотканный только из жил и мускулов, он сидел на одной из бочек, что в ряд тянулись поперек струга от борта к другому, подвернув под себя левую ногу, а правую закинув на нее в такой немислимой позе, что могло показаться, у него вовсе не было костей. Борода и усы были подстрижены на русский манер, но смуглая кожа и узкий разрез глаз яснее ясного говорили о том, что он не славянин. На нем была русская одежда: короткий безрукавный кафтан поверх рубахи грубого сукна, да широкие штаны, заправленные в сапоги с узкими носками и высокими голенищами, но на голове красовался каракулевый бурек⁵⁰, на левом боку висел болгарский кинжал⁵¹, доставшийся от покойного ныне отца, на правом запястье сверкал тонкой работы серебряный белязек⁵² с изящным чеканным узором, напоминавший о жене и детях, которых он видел раз в год по великим праздникам, а на груди, скрывался от взглядов посторонних бети⁵³ на витой суровой нити – подарок матери, что ждала единственного сына в захудалом поместье, затерянном посреди Казан арты⁵⁴.

Гумер Акчурин – так звали этого необычного человека – был одним из бесчисленных отпрысков какой-то дальней ветви Акчуриных⁵⁵, но при этом не имел за душой ничего более ценного, чем знатная фамилия и многочисленная родня, такая же безденежная и безземельная, как и он сам. Среди боярских детей Пожарского он состоял с давних времен и воином был крепким, саблей владел достойно, а из лука бил так скоро и метко, что мог заткнуть за пояс десяток стрельцов. Но Дмитрий Петрович ценил Гумера не за это. В конце концов, в его дру-

⁴⁹ Алафа – награда, вознаграждение.

⁵⁰ Бурек – национальный татарский головной убор типа шапки, преимущественно мужской, чаще всего цилиндрической формы с плоским верхом и жестким околышем из черного каракуля, серой бухарской мерлушки и т. д.

⁵¹ Болгарский кинжал – оружие с широким клиновидным лезвием и с длинным (до 30 см) нешироким клинком.

⁵² Белязек – традиционное татарское украшение в виде браслета на запястье.

⁵³ Бети – традиционный мусульманский оберег, защищающий от сглаза и порчи. Он содержал соответствующие суры и аяты Корана.

⁵⁴ Казан арты – «Заказанье», в буквальном переводе «тыл Казани». Местность на Северо-Восток от Казани, где находилась древняя татарская крепость Арск, а ныне одноименный город.

⁵⁵ Акчурины (князя Акчурины, тат. Ақсуғиннар, Акчуриннар) – татарский княжеско-мурзинский род. Происходит от князя Акчуры Адашева, пожалованного князем в 1509 г.

жине были ратники побойчее, но только Акчурин со свойственной всем азиатам ловкостью мог обхитрить самого лукавого плута, купить за полцены то, что другим обходилось втридорога и договориться там, где даже не с кем было договариваться. Иногда Лопате казалось, что доведись Гумеру вести переговоры с самим сатаной, он и его оставил бы в дураках, с три короба наобещав невыполнимого и щедро сдобрив все это сладкими речами, за которые стало бы совестно даже самому бесстыдному льстецу.

– Служивому другой доля нет, – продолжал Гумер, буравя Вышеславцева правым глазом, (в одном из боев Акчурину достался густой заряд картечи, большая часть дробинок засела в плече, но одна цокнула в нижний край шелома, а отколовшийся от нее кусочек рассек бровь и разорвал веко, отчего левый глаз всегда был слегка прищурен, так что собеседникам казалось, будто Гумер постоянно целится в них из невидимой пищали). – А с нащальным щеловеком спорить, все равно, што в небо пливать – как не пышья, один щерт тебе же на голову и упадет.

– Эх, Гумер, да не на судьбу я жалуясь. И уж тем паче не расчет веду. Об ином толкую. Должна же справедливость быть... иначе... как-то... – Лука замолчал, мучительно стараясь облечь в простые и понятные слова тот разнобой многоэтажных мыслей, что беспорядочно роился у него в голове, но после небольшой паузы безнадежно вздохнул и отвернулся.

– Эка, загнул – справедливость ему подавай! – в разговор вмешался еще один дружинник – Михаил Соловцов. Он полулежал в вальяжной позе на горе соломы, спиной прислонившись к борту, подложив под голову скрученную шапку и, лениво пожевывая сухой стебелек, наблюдал происходящее вокруг из-под опущенных век. Русые кудри свободно падали на плечи, закрывали лоб до самых бровей, что двумя изогнутыми крыльями разлетались от переносицы к вискам. Пышные усы переходили в бороду, длинные пряди которой разметались по груди, в распахнутом вороте рубахи перемешавшись с густыми черными кучеряшками.левой рукой он нежно, словно любимую девушку, оглаживал заткнутый за пояс на животе пистолет, а правой придерживал лежащую рядом саблю, будто боялся, что ее укрادут.

Тридцати без малого лет отроду – Михаил и сам не знал точно свой возраст, ибо грамоте не разумел, а считать мог только до десяти – Соловцов происходил из крестьян и путь его в княжескую дружину был непростым. Когда-то только заступничество князя Пожарского спасло малолетнего Михаила от рабства, в которое его за семейные долги собирались продать люди мелкопоместного боярина из Тамбова. Тогда Мишке едва исполнилось четырнадцать и волею судьбы он оказался старшим в большом, но беспомощном семействе. В один год отца забрали в подымное⁵⁶ войско и увели оборонять берег⁵⁷, откуда он так и не вернулся – то ли сложил голову в Диком поле, то ли сгинул в татарском плену или толчее невольничьих рынков Тавриды⁵⁸. А вскоре после этого мать, чтобы накормить шесть голодных ртов, отправилась в лес за грибами и повстречалась там с кабаном, который помял ее так сильно, что она больше никогда не смогла выйти в поле, да и по домашнему хозяйству толку от нее стало мало.

Мишка добросовестно тянул из себя все жилы и безжалостно заставлял делать то же самое младших. Но даже все вместе заменить родителей они не могли. А тут еще несколько лет подряд выдался страшный недород, так что выплатить все положенное по тяглу и уряду семейство оказалось не в состоянии. Община предоставила им выбираться из болота самим, и даже ближние родственники вместо помощи поспешили требовать какие-то застарелые долги, о которых знал только бесследно пропавший отец, и под это дело потащили со двора все, что худо-бедно можно было обменять на еду или деньги. По научению умных людей

---

⁵⁶ Подымное войско – ополчение, которое собиралось с каждого населенного пункта по количеству домов, то есть «дымов».

⁵⁷ Берег – Ока в те времена представляла собой естественный рубеж, на котором обустроивалась оборона от кочевых племен, часто совершавших набеги на южные рубежи государства. Поэтому слово «берег» использовалось как синоним слова «граница».

⁵⁸ Таврида – старое название Крыма, где вплоть до 18 века процветала торговля людьми, прежде всего, славянами, которых кочевники приводили из многочисленных набегов.

Мишка сунулся было искать защиты у государя, но приказной дьяк за составление челобитной и обещание самолично передать ее в нужные руки, требовал с мальчонки последние гроши и выгреб из погреба остатки харчей, а потом лишь пожимал плечами: жди, мол, не рассмотрено пока, а на третью встречу и вовсе велел страже пинками гнать надоевшего просителя со двора.

Долг нарастал как снежный ком, повергая Мишку в отчаяние, и в детских своих потугах найти выход он не придумал ничего лучшего, как сбежать всем выводком на Дон, а может, и еще дальше. Конечно же, их поймали уже на второй день побега, и разъяренный боярин велел всыпать Мишке плетей, щедро, но так, чтоб живой остался, а после свезти его на рынок и продать заезжим крымцам по сходной цене, коли другим путем взыскать должное не получалось.

Так бы оно и стало, если бы не Дмитрий Петрович, который в ту пору как раз набирал свою первую дружину. Повстречав его отряд на дороге, Мишка, которого в деревянной колоде гнали на продажу, в отчаянном страхе обрел невероятное красноречие и сумел убедить молодого князя, что лучшего оруженосца и прислужника ему не найти. С тех пор Соловцов верой и правдой служил Лопате, который заменил для него отца, царя и бога, но весь остальной мир ненавидел так люто и беспамятно, что готов был стереть его в порошок, и Пожарский был единственным, кто мог удержать Михаила от жесткой и немедленной расправы над попавшими под руку несчастными. В такие моменты на него не действовали уговоры пополам с угрозами, слезные мольбы безвинных жертв, проклятия и обещание страшных небесных кар.

– Пожалеть?! – отвечал Соловцов, бешено вращая налитыми кровью глазами. – А меня, было время, кто из вас пожалел?

Но стоило прозвучать грозному окрику князя:

– Уймись, Михаил Васильевич, не лютуй понапрасну, – и Соловцов, который уже заносил над головой саблю или горячей хворостиной тянулся к соломенным крышам, отступал, грязно ругая, на чем свет кляня спасенных милостью князя, и втихомолку сквозь скрежет зубовный осуждая чрезмерную доброту своего благодетеля.

– Где ты видал-то ее – справедливость? – со злорадной усмешкой продолжал Михаил, совсем не заботясь о том, слушает его кто или нет. – По мне, так справедливо пол Руси каленым железом выжечь, а другую половину на кол усадить али в петле вздернуть к чертовой матери.

– Ты защим злуй такой, Мишка? – спросил Гумер, осуждающе качая головой. – Лошадь гора мущает, а щиловека – злоба.

– Ха, – Соловцов выплюнул изжеванную соломинку и, приподнявшись на локте, сел. – А слышал, намени с доброго волка овцы шкуру сняли?

Послышался смех, со всех сторон полетели шутки-прибаутки на тему доброты, которая приносила тем, кто ее сеял, только несчастья и разочарования. Вася Соловей – дружинник с посеребренной шевелюрой и черной, как пережженный уголь бородой, получивший прозвище за способность интересно и красиво врать без умолку, самый заурядный случай превращая в героическую былинку или уморительную сказку – тут же принялся рассказывать историю, которая случилась с ним как-то раз в незапамятные времена, настолько давно, что он уж и сам не помнил, как оно было в действительности, а потому часто сбивался и путался в подробностях. Но тем, кто слушал, это ничуть не мешало и красочные живописания часто прерывались дружным хохотом, в котором тонуло наигранно-обиженное сказателя: «Клянусь, так и было».

– Ну, все, буде ржать, – меняя сдержанную улыбку на суровую нахмуренность бровей, Лопата прервал рассказ, но только после того, как затейливое повествование оказалось доведенным до конца и все вдоволь посмеялись над незадачливым героем истории. – Почитай, прибыли уже. Чем лясы точить, вдругорядь проверьте все, дабы после вшами на аркане не скакать.

На пристани их уже ждали два десятка служилых людей во главе с нынешним воеводой – Ковров Андрей Иванович, как из рассказов брата помнил Пожарский. Он стоял на пару шагов впереди остальных, на самом краю дощатого настила и даже ветер, нещадно трепавший паруса рыбацких лодок и растянутые вдоль берега сети, испуганно обходил воеводу стороной, а волж-

ская вода под его ногами, казалось, лишилась течения, обратившись холодным прозрачным камнем. Воевода ни с кем не разговаривал и, сложив руки на груди, пребывал в полной неподвижности, а взор его словно невидимой цепью был прикован к стругу, который медленно приближался к пристани по усыпанной рябью Волге.

За спиной воеводы, шагах в трех, нестройной беспорядочной толпой стояли служилые и, хотя здесь, как в праздничной семенухе⁵⁹ перемешалось все подряд: старомодные кафтаны, шубы с полинялым мехом и цветными заплатами, поярковые гречники⁶⁰, выцветшие добела мурмолки⁶¹ и валёнки⁶², серые от въевшейся в них пыли, Лопате еще издали бросилось в глаза, что пестрое собрание это будто делится надвое. Одну часть – большую – объединяло безразличие ко всему происходящему, явно сквозившее в расхлябанных позах, ленивых движениях и мимолетных взглядах, которые посреди неспешного разговора изредка обращались на приближавшийся струг. Зато четверо служилых, плечом к плечу стоявших чуть впереди остальных, сразу за спиной воеводы, смотрели на Дмитрия Петровича и его собравшихся вдоль борта ратников с напряженным любопытством, как игрок в зернь изучает выпавшую комбинацию, которая может вконец разорить и пустить его по миру, либо битком наполнить карманы золотом.

Был среди встречающих еще один человек – он подчеркнуто держался поодаль и неприступно расхаживал вдоль пристани, будто вышел к реке просто подышать в погожий полдень свежим воздухом. Судя по наряду, необычному для волжской глуши, это был иноземец. Поверх ярко-фиолетового камзола с разрезными буфами вместо рукавов, был надет кожаный жилет, в талии перехваченный широким поясом с огромной медной бляхой, начищенной до такого блеска, что сгодилась бы вместо зеркала. У пояса на коротком толстом шнуре болталось два одинаковых кожаных мешочка – один для пороха и пуль, другой для денег. Объемные штаны ядовито-зеленого цвета, в складках которых можно было запросто спрятать небольшую мортиру с запасом пороха и ядер, были заправлены в ботфорты с серебряными шпорами на пятках. А венчала наряд фетровая шляпа с невероятно высокой тульей и широченными полями, поверх которых поднимался огромный пучок разноцветных перьев.

Положив одну руку на изрядно потертую рукоять кошкодёра⁶³, другой иноземец придерживал пистолет за поясом. Взгляд его рассеяно и безучастно скользил по местности, не цепляясь за что-то конкретное, он даже не смотрел в сторону реки и всем своим видом показывал, что присутствует здесь вынуждено, только по долгу службы, и ждет не дождется конца этой никому не нужной суматохи.

Едва уже лишенный парусов струг поравнялся с пристанью, гребцы с криком: «держи, не зевай», выбросили четыре каната и подхватившие их рыбаки, ответив дружным: «навались, ребята», притянули судно к дощатому настилу, закрепив тройные петли на торчащих из воды дубовых столбах. Уже через мгновение между качавшимся бортом и пристанью возникли сходни из длинных жердей – Лопата, оседлав планширь⁶⁴, проверил их надежность и устойчивость, коротко распорядился исправить обнаруженные недостатки и, дав указания ратникам,

---

⁵⁹ Семенуха – каша.

⁶⁰ Грешневик (также гречневик, гречник, гречушник) – старинный русский мужской головной убор, высокая шапка с маленькими полями, без излишеств и украшений. Грешневики шили из овечьей шерсти. Они были популярны у простолудин в Московском государстве в период с XV по XVII вв.

⁶¹ Мурмолка – русский головной убор, высокая шапка с плоской тульей, меховой лопастью в виде отворотов, которые спереди пристегивались к тулье петлями и пуговицами.

⁶² Валенка, ермолка, еломок – мужской головной убор из войлока или валяной овечьей шерсти в форме усеченного конуса.

⁶³ Кошкодер или кацбальгер (нем. Katzbalger – кошкодёр) – короткий ландскнехтский меч для ближнего боя, который на жаргоне военных средневековой Европы назывался «кошачья свалка».

⁶⁴ Планширь (или планшир) – горизонтальный деревянный брус в верхней части фальшборта.

что уже собирались спускать обмотанный веревками тюфяк, первым сбежал по шаткому трапу, на ходу доставая из-за пояса несколько грамот.

Ковров встретил его радушной улыбкой и после обычных предписанных этикетом приветствий, вскользь просмотрев бумаги, поспешил сообщить, что несказанно рад прибытию князя, да еще с таким подкреплением, а за смещение с воеводства обиды не таит и зла не держит. Правду сказать, прибытку от сей должности никакого, зато мороки... А Иван Андреевич уже стар, утомился не в меру да и здоровье подорвал на тяжелой службе, что долгие годы нечестно и справно.

Лопата взглядом окинул стоявшего против него теперь уже бывшего воеводу: высок, плечист и грузен настолько, что толстые дубовые доски жалобно стонали под его ногами. Истертая поношенная шуба сидела кургузо и неловко, кафтан простого сукна с заплатами и сапоги из кожи не самого лучшего качества – видать, воеводство в Самаре, и правда, было не самой доходной должностью. Но не укрылось от Лопаты и кабанье брюхо, пухлые щеки, розовевшие даже сквозь густую бородищу, и холеные загорелые руки, на пальцах которых виднелись широкие белые полосы – следы колец и перстней, сейчас предусмотрительно спрятанных до лучших времен.

– Вижу, вижу, – Дмитрий Петрович сочувственно покачал головой. – Тяжко тебе пришлось, князь, в дыре этакой. Потому за службу царь благодарит и жалует новым поместьем. Здесь все сказано.

Ковров пробежал по тексту врученной грамоты, на мгновение в глазах мелькнуло хищное выражение, и чтобы скрыть улыбку, сдержать которую он был не в силах, князь зашелся долгим кашлем, старательно изображая тяжелое простудное удушье.

– Благодарствую, – даже в голосе Ивана Андреевича появился характерный хрип и глухое клокотание, исходившее откуда-то из грудных глубин. – Хоть и не за награды служим мы с тобой, но коли милости царевой достойны... так что ж. Примем с огромным почтением.

– Кого ж еще царю жаловать, ежели не верных слуг своих? – согласился Лопата и красноречивым жестом предложил Коврову познакомить его со служилыми людьми, которые наблюдали за всем происходящим, стоя чуть в стороне.

Ковров осторожно и старательно свернул грамоту с описанием новых своих владений, спрятал ее за пазуху, поправил отвороты кафтана и двинулся вдоль длинной шеренги, коротко представляя каждого служилыца.

Первым этой чести удостоился городничий⁶⁵ Егор Хомутской – невысокий и кряжистый, лет тридцати с огненно-рыжей шевелюрой и аккуратно расчесанной бородой, едва не доходившей до пояса. Покуда Ковров перечислял его достоинства, коих у заправителя городских дел обнаружилось несчетное множество, тот, прикладывая к груди широкую могучую ладонь, отбивал поклоны и с радушной улыбкой сверил Лопату холодным изучающим взглядом темно-зеленых глаз, спрятанных под отечными, будто с пьянки опухшими веками, так что даже когда городничий смотрел на носки собственных сапог, казалось, он делает это исподлобья.

Подьячий Афанасий Смелов, высокий, худой и страшно бледный молодой человек, кончики пальцев у которого были иссиня-черными от чернил, впитавшихся даже в ногти. Отвечая на короткие вопросы Лопаты, он говорил складно, легко и красиво сплетая слова в длинные замысловатые предложения, но при этом избегал смотреть на Пожарского, то опуская светлоголубые глаза долу, то устремляя их взор поверх княжеской головы или куда-то в сторону, а когда Дмитрию Петровичу на короткий миг удалось-таки поймать снующий взгляд городского стряпчего, Смелов вдруг осекся, стал заикаться и долго еще путался в словах и окончаниях.

---

⁶⁵ Городничий – в России 16—17 вв. то же, что городской приказчик. Подчинялись воеводам, имели дело с земскими общинами.

Далее шел стрелецкий голова Федор Алампеев – широкоплечий детина без малого в сажень⁶⁶ ростом в короткополом распахнутом настезь кафтане и лихо заломленной на затылок ермолке, из-под которой выбивался кудрявый каштановый чуб. В гуще короткой аккуратно подстриженной бороды виднелись редкие прожилки седины, и это было единственным, что выдавало не юный возраст служивого, в остальном же Алампеев выглядел бравым молодцом. Поперек живота, заткнутый за широкий пояс красовался искусной работы пистолет, а на левом боку висел кинжал в богато украшенных ножнах с костяной рукояткой и посеребренным эфесом. Правда, ни натруски⁶⁷, ни рожка для пуль при Алампееве не оказалось, а на изящно кованой гарде⁶⁸ кинжала не было ни единой вмятины или царапины. Зато из-за сапожного голенища виднелась рукоятка ногайки с заляпанным серебряным набалдашником, оплетенная воловьей кожей, затертой до неестественной белизны от частого и усердного применения.

Рядом с Федором Алампеевым стоял его младший брат – Иван, служивший при стрельцах сотником. Они были похожи как две капли воды, даже чубы у них кудрявились одинаково, но когда Дмитрий Петрович, разглядев это сходство и услышав фамилию сотника, мимоходом, просто для разговора спросил: «Братья, значит?», Иван растерянно молчал, пока старший брат не пришел ему на помощь: «Ага, так и есть, братья мы». Только после этого младший кивком подтвердил очевидное предположение князя.

Когда Ковров представил следующего сотника стрельцов – Михаила Семенова, сухощавого, с неестественно крупными чертами лица и путаными космами, которые скрывали уши и ниспадали на плечи – тот, отвесив небольшой поклон, коротко добавил к сказанному:

– Из Тихвина я. А сюда, как и ты, князь, в помощь послан. На время.

На нем был длиннополый иноземного кроя кафтан с разрезными рукавами, ботфорты явно с чужой ноги, а на левом боку висела шведская шпага с изящным витым эфесом. И хотя тягучий неспешный говор с раскатистым оканьем без того выдавал в нем северянина, Михаил в коротком разговоре еще дважды напомнил о своем нездешнем происхождении, заодно подчеркнув, что в Тихвине у него была служба важная и серьезная, не чета нынешней. При этих словах другой служивец, стоявший рядом, передернулся и, стараясь удержать рвущееся с языка острое словцо, несколько раз глубоко и шумно вздохнул. Это был тоже стрелецкий сотник, но от него издали несло тиной и прелым отсыревшим деревом, а руки вместо пороховых ожогов покрывали характерные мозоли – такие следы оставляет тяговый шнур рыбацких сетей. Он был не молод – сквозь остатки шевелюры видна была плешь, короткую бороду и усы густо припорошил иней седины, а лоб от виска до виска пересекали три глубокие морщины. Старомодный кафтан, потертый, выцветший и усыпанный заплатами разного цвета, сидел на нем как вторая кожа, а старые разношенные сапоги просили есть и грозили развалиться. Из оружия при сотнике была короткая татарская сабля, на ножнах которой узор из дешевого бисера наполовину осыпался. Представляясь, он назвался только по фамилии – Могутов и на вопросы Лопаты отвечал коротко, а где можно было так и вовсе в одно слово.

– Как звать-то тебя, Могутов?

– Петром Алексеичем.

– Петр Алексеич у нас сторожил, – добавил Ковров таким тоном, что Лопата не понял, гордиться бывший воевода своим сотником-сторожилом или насмехается над ним. – Мальчишкой еще с самим Засекиным⁶⁹ в эти места прибыл.

Выслушав такую рекомендацию, Лопата еще раз посмотрел на Могутова, который ни жестом, ни взглядом не отреагировал на слова Коврова.

---

⁶⁶ Сажень – старорусская единица измерения длины. 1 сажень = 2,1336 м.

⁶⁷ Натруска – пороховница, использовали для того, чтобы насыпать – натрусить – порох.

⁶⁸ Гарда – часть эфеса клинкового холодного оружия, служащая для защиты от удара кисти руки.

⁶⁹ Князь Григорий Осипович Засекин (ок.1550 – после 1596) – государственный деятель, основатель и первый воевода Самары (1586).

– Что ж по сию пору лишь сотник? – с любопытством спросил Дмитрий Петрович, в ответ получив короткую холодную усмешку и отведенный в сторону взгляд.

– Ручонки не липкие, – едва слышно процедил сквозь зубы Могутов и Ковров заспешил к другому служилому, увлекая за собой нового воеводу.

– Голова конников – Аким Савельевич Раздеришкин.

Это был среднего роста сухопарый мужчина лет сорока с маленькой бородкой и аккуратно подстриженными усами. Раздеришкин спокойно и твердо встретил изучающий взгляд Пожарского, светло-серые глаза с легким прищуром не бегали, светились уверенностью и, глядя в них, Лопата подумал, что Аким Савельевич больше походит на хитрого торговца, привыкшего легко обманывать доверчивых покупателей, чем на предводителя конницы. Поверх русского кафтана была накинута кирея с видлогою⁷⁰, узкие штаны с большой кожаной заплаткой от колен на всю внутреннюю часть бедра заправлены были в татарские ичиги, а довершал этот разносольный наряд шемшир⁷¹, двумя цепочками подвешенный на левом боку.

Представил Ковров и того ряженного, что с надменным видом стоял чуть поодаль, наблюдая за всем происходящим с надменной улыбкой:

– Карл Грюнер, капитан наших ландскнехтов⁷², – бросив на Дмитрия Петровича холодный безразличный взгляд, командир наемников слегка наклонил голову и кончиками пальцев коснулся поля шляпы. – Их меньше сотни, но в бою они стоят нескольких тысяч.

– Also? – усмехнулся Грюнер и Коврова слегка передернуло. – Благодарю за столь лестный отзыв, сударь. Но вместо похвал я бы предпочел, чтобы вы, наконец, заплатили нам положенное жалованье. Мои парни негодуют, а это может кончиться плохо. Для всех нас.

Русский Грюнера оказался не так плох, хотя немецкий акцент в нем все же проявлялся тяжеловесностью гласных и спотыканием на некоторых, особенно сложных для европейца, словах.

Андрей Иванович беспомощно пожал плечами и со смущенной улыбкой недвусмысленным взглядом передал претензию ландскнехта Дмитрию Петровичу как новому воеводе. Грюнер тоже вопрошающе посмотрел на Лопату, но тот вместо разговора о деньгах, коротко поведал, что как-то раз в Ливонии ему довелось столкнуться в бою с наемными немцами и он бы не хотел иметь таких ребят среди своих врагов, после чего предложил, не теряя времени, приступить к осмотру крепости. Предложение Коврова отведать хлеб-соль да с дороги попарится в баньке, Дмитрий Петрович отклонил решительно:

– Не досуг теперь, Андрей Иванович. Каждый день, что ныне упустим, завтра кровью нам отхаркнется. Так что пировать да на перинах нежиться не скоро придется.

– Дело так дело, – Ковров постарался изобразить равнодушие. – Коня князю.

Лопата повернулся к своим людям, которые суетились вокруг сходень, спуская по ним кули с харчами, бочонки с порохом и прочий боевой припас. Коротко свистнув, князь жестом назначил Луку старшим и зашагал к берегу. Там служилую свиту из десятка с лишним человек ждали шесть тощих лошадемок, так что верхами кроме Дмитрия Петровича к крепости отправились Ковров, городничий Хомутской, Раздеришкин и братья Алампеевы. Остальные пошли пешком и, хотя поговорить было о чем, две с лишним версты проделали в полном молчании, опасаясь, как бы не нашлось среди сослуживцев доносчиков – кто знает, что за птица этот новый воевода и чем сказанное нынче кривое слово отзовется тебе назавтра.

---

⁷⁰ Кирея и видлогою – казачий плащ со вшитым капюшоном.

⁷¹ Шемшир – персидская сабля с тонким сильно изогнутым клинком. Считалась лучшим рубящим оружием для конного боя против воинов в легких доспехах.

⁷² Ландскнехт – немецкий наёмный пехотинец эпохи Возрождения. Термин впервые был введён в употребление около 1470 года, позднее так называли всех наемников в европейских армиях.

Глава третья

Осмотр крепости занял весь день и поверг нового воеводу в страшную печаль – острог был в состоянии удручающем, а гарнизон не набирал и половины того, что обещал Лопате хромой Пожарский. Сначала взойшли на северную стену, с башен которой хорошо просматривалась вся окрестность вплоть до Барбошиной поляны⁷³ и Лысой горы, словно отороченной зеленым склоном Студеного оврага⁷⁴. Верстах в двух от крепости пространство между Волгой и берегом Самары пересекал сплошной глубокий ров, местами настолько заполненный мусором и осыпавшейся с вала землей, что даже хромец или безногий калека без труда перебрался бы через это препятствие⁷⁵. В редкости разбросанные на подходе к укреплению надолбы⁷⁶ погнили, скобочились, а кое-где вовсе слегли и повалились, перестав выполнять свое предназначение. А между крепостью и валом гудело стихийное торжище: кибитки ногайцев, старые ободранные юрты, навесы, сооруженные из грязных рваных полотнищ, натянутых меж редких иголок⁷⁷, мусор, кучами сваленный вдоль насыпи, и люди – сыродяды, татары, пришлые русские, бродяги без роду и племени. Одни суетливо сновали туда-сюда, другие неспешно гуляли от одного торговца к другому, рассматривая товар и предлагая свои вещи для мены, третьи то уходили за ров, через который в разных местах переброшено было с десятков самодельных мостков, то возвращались с кулем, мешком или корзиной в руках.

Городовая башня, прикрывавшая подход по степной дороге, к огненному бою оказалась непригодной. Узкие бойницы не позволяли установить здесь большие орудия, а стрелять с такого расстояния из ручниц или дробом сыпать из тюфяков было все равно, что лечить мертвого пиявками. Не в лучшем состоянии пребывала и южная сторона острога. Крутой берег Самары служил хорошей защитой, но, если нападавшим удалось бы преодолеть ее, встречать их у самой стены было бы просто нечем. Через одну гнилые доски кроватей⁷⁸ угрожающе хрустели и проседали, стоило лишь едва надавить на них ногой, а кое-где в настиле встречались огромные дыры, из бездонной черноты которых веяло сыростью гнилого дерева. Несколько обломов⁷⁹ на башнях, были так хлипкие и ненадежные, что безбоязненно находиться в них могли только комары да мухи. Стрельцам же с пудовой амуницией даже входить сюда было опасно, не то что вести активный подошвенный бой⁸⁰.

Детинец – сердце самарской крепости – представлял собой прямоугольный тесно застроенный пятачок, огороженный высоким частоколом с хлипкими воротами из перевязанных жердей, сразу за которыми начиналась замощенная камнем площадь шириной в один шест и длиной в 15 казенных саженьей⁸¹. Справа невысокий штакетник огораживал церковь – унылое

---

⁷³ Барбошина поляна – в 16–17 вв. согласно легендам, в этих местах, в дубраве на некотором удалении от волжского берега, находился стан повольников во главе с атаманом Богданом Барбошей. На сегодняшний день Барбошина поляна находится в черте Самары и представляет собой важный транспортный узел города.

⁷⁴ Студеный овраг – Большой овраг, который начинается от Сорокиного хутора и доходит до Волги близ Лысой горы. Название «студеный» происходит от большого количества родников и ключей с ледяной водой.

⁷⁵ В 16–17 вв. в районе расположения современной площади Революции находились полевые укрепления, защищавшие подход к крепости с севера.

⁷⁶ Надолбы – частокол из толстых бревен, призванный замедлить продвижение конницы.

⁷⁷ Иголки – часть фортификационных сооружений, бревна с остро заточенным концом, врытые в землю под углом.

⁷⁸ Кровать – настил из досок, расположенный вдоль внутренней части крепостной стены и предназначенный для расположения стрельцов.

⁷⁹ Облам – нависающий выступ сруба в верхней части городской рубленой стены или башни для ведения «подошвенного боя».

⁸⁰ Подошвенный бой – стрельба из щелей и бойниц между стеной и обломом, для поражения противника вблизи крепости, у «подошвы» стен и башен.

⁸¹ Казённая сажень – старорусская мера длины, равная 213,36 см. 15 казённых саженьей это примерно 32 м.

деревянное здание с небольшой колокольней и двумя куполами, позолота которых посерела и стала тусклой из-за осевшей пыли. Слева от площади жались друг к другу дома и усадьбы начальных людей. В тесном кольце больших добротных амбаров, на каждом – пудовый замок, раскинулись хоромы воеводы со множеством окон и высокой крышей, над которой поднималось сразу три трубы «белых» печей и повалуша. Рядом, за высоченным забором из дубовых свай спрятался дом городничего – как он выглядел и что из себя представлял знал лишь сам Хомутской и пара его ближайших товарищей, остальным путь на двор был заказан – за этим строго следил тиун⁸², по вредности и несусветной злобе прозванный Василиском⁸³, а помогал ему десяток цепных псов, каждый размером с барана. Дальше соседствовали начальник вершников и стрелецкий голова. Небольшой двор Раздеришкина был сплошь застелен старыми досками, конюшня на пять голов, сеновал, гумно⁸⁴ и обложенный известняком амбар соединялись меж собой крытыми галереями, а вокруг неказистого пятистенка⁸⁵ в особом порядке расположились сколоченные из горбылей щиты в сажень-полтора шириной, ограждавшие жилище от холодных осенних ветров и снежных заносов. Если бы не забор, то скоромное хозяйство Раздеришкина сошло бы задворками Алампеева, двухэтажный дом которого украшали резные наличники, точеные балясины⁸⁶ и узорные флюгера, странно смотревшиеся на фоне утопавших в грязи сараев, клетей и погребов, окруженных кучами гниющих отходов, над которыми с жужжащим гулом роились мухи. Здесь же, на дворе старшего брата в небольшой по-черному обогреваемой избенке ютился и Алампеев-младший, гордый тем, что ему единственному из сотников выпала честь жить среди первых людей и главных начальников.

Через площадь прямо против ворот возвышалась съезжая⁸⁷ – без малого шест длиной рубленая изба в 10 венцов под четырехскатной крышей, с высоким просторным крыльцом, укрытым навесом на четыре врытых столбах, соединенных между собой перилами. Стены из толстых массивных бревен прорезали узкие высокие окна, закрытые кованой решеткой из прутьев в палец толщиной, насаженных так часто, что и мыши не пролезть. Рядом с этой громадиной жалко и убого смотрелся домик для гостей крепости – небольшой теремок из помешелых от времени бревен с неказистым покосившимся крыльцом.

На задах съезжей располагались амбары – шесть добротных основательных строений из камня, обмазанного белой глиной, толщу которой украшал причудливый рисунок многочисленных трещин. При осмотре они оказались пусты, словно по ним прошелся Мамай с вечно голодной степной ордой. Тех крох, что Лопата обнаружил, едва хватило бы на месячный прокорм самарских воинов, но и этот скудный запас был малопригоден – погрызли мыши, поела плесень. Ковров оправдал это неурожайным годом и отсутствием пахарей, которые бросали скудные наделы в опасном порубежье и беглецами уходили в более спокойные сытные места, ино шли в разбойничьи ватаги, коих в окрестности теперь развелось не считано.

– Так что негде харч взять, – объяснял он Лопате, который смотрел на него с укоризной и плохо скрываемым подозрением. – Землю вконец запустошили, пахаря в поле днем с огнем не сыскать. Рыбак на Волгу носа казать боится, только в близках сети ставит, а тут какой улов? Прежде с купцов хоть кормились, а как Заруцкий в Астрахани сел да Волгу перекрыл, так и сей ручеек высох. Какие запасы были – зимой поели, а новых взять неоткуда. Ну, чего сычом глядишь? Ежели татьство али другое лихоимство мнишь – зря. У меня в противнях⁸⁸ все чином. Каждый гарнец⁸⁹ хлебный записан, откуда пришел и кому выдобен. Не подкопаешься.

⁸² Тиун (тивун) – княжеский или боярский управляющий, управитель.

⁸³ Василиск – змей.

⁸⁴ Гумно – сарай для сжатого хлеба.

⁸⁵ Пятистенка – деревенская изба, разгороженная внутри рубленой бревенчатой стеной.

⁸⁶ Балясина – точеный столбик перил.

⁸⁷ Приказная изба – в России XVII в. канцелярия воеводы.

⁸⁸ Противень – отпечаток, список.

После этого выпада Андрей Иванович огородил себя неприступной стеной холодного молчания, на вопросы Лопаты отвечал одним словом, а то и вовсе каким-нибудь красноречивым междометием, всем своим видом показывая, как оскорблен недоверием и возмущен упреками.

В детинце Пожарского встретило самарское воинство, больше походившее на толпу бесшабашников, собранных в одно место с разных концов земли и мечтавших только о том, чтобы поскорей разойтись по своим. Из тысячи стрельцов, что должны были стоять в городе, князь насчитал чуть более двух сотен. Остальные попросту разбежались, спасаясь от голода и надвигающейся войны, исход которой многим казался предрешенным. Из оставшихся в крепости, желанием служить никто не горел, и сотники долго искали их по гостиным дворам, питейным заведениям да рыбацким ватагам, где стрельцы добывали пропитание семьям. А когда остатки приказа таки собрались на площади детинца, выяснилось, что добрая половина давно продала оружие вместе с припасом или сменяла их на провиант, который в крепости ценился гораздо выше, чем самый добрый и дорогой огнестрел. Да и у тех, кто еще оставался с пищалями, они находились в таком состоянии, что ими сподручнее было не стрелять, а просто орудовать как большой тяжелой дубиной.

Половина затинщиков⁹⁰, по прошлому году набранных из разоренных деревень, где по великой нужде мужики готовы были податься хоть в услужение дьяволу, оказались совершенно не обучены пушкарскому делу, на тюфяки и дальнобойные пищаля смотрели, как на диковинного зверя, не зная, с какой стороны к ним подойти и что с ними делать. Сами орудия, рядком уложенные под небольшим навесом у зельного амбара⁹¹, покрылись малахитовым налетом, а в заросших пороховой гарью стволах только что лягушки не квакали. Поблизости в полном беспорядке разбросаны были колоды и лафеты, наполовину сгнившие под дождем в ожидании починки. Запасы ядер и дроба беспорядочной грудой свалены были у дальней стены хранилища и давно порыжели, а порох, хранимый кучей в простых холщовых мешках, отсырел, сваялся и больше напоминал переваренную кашу, затвердевшую большими комками.

Не лучше обстояло дело и с дворянским войском. Большая часть присланных боярских детей еще по весне, в страшной нужде едва пережив голодную зиму, отправились попроведать семейства, да так и не вернулись, предпочитая заниматься хозяйством в собственных вотчинах. Посланные к ним гонцы возвращались либо с пустыми обещаниями явиться при первой возможности, либо с рассказом, как их потравили собаками, а то и вовсе жажнули дробом из-за городьбы и повелели низко кланяться господину воеводе. Те же, кто еще оставался на службе, сейчас были разбросаны по дальним рубежам, на засеках и заставах, так что на вопрос Пожарского о числе конного войска Аким Савельевич спокойно ответил, что и сам не ведает, сколь ныне людей под его началом.

В крепости Лопата насчитал не больше двадцати тощих лошадемок, которых, по его пониманию, следовало бы дней десять кормить отборным фуражом и только после этого ставить под седло. Юртовые казаки⁹², коих по бумагам числилось около трех сотен, по летней поре тоже заняты были хозяйством, правда, атаман их – Григорий Анисимов – обещал в случае нужды быстро собрать казацкое войско – дня в три! Так что выходило, случись какой внезапный переполох, про ответную конную вылазку можно было не думать, а со стрельцами конное войско, попробуй, возьми.

---

⁸⁹ Гáрнец – русская дометрическая единица измерения объёма сыпучих тел (ржи, крупы, муки и т. п.), равная 3,2798 литра.

⁹⁰ Затинщики – в России 16—17 вв. служилые люди по прибору, обслуживавшие крепостную артиллерию.

⁹¹ Зельный амбар – помещение для хранения пороха.

⁹² Юрт – низшее административно – территориальное образование донских казаков. У тюркских народов юрт означал жилище (тат. Йорт, юрта), однако вторым значением этого слова был улус, как составная часть Орды.

Из всего получалось, что боеспособной силой в крепости были только наемники – шайка в шесть с небольшим десятков головорезов, собравшихся под началом Грюнера из таких закоулков иноземщины, названия которых даже Лопата, изрядно повоевавший на западных границах Руси, слышал впервые. Эти лютые парни держали в страхе всю Самару от простых посадников, у которых они ночами вычищали огороды и несли со дворов плохо уложенное добро, до держателей дворов и кабаков, где ландскнехты пропивали награбленное, а когда добыча заканчивалась, продолжали гулять в долг, точно зная, что никто никогда не осмелится потребовать с них уплаты. Единственным авторитетом для наемников был их капитан, даже с воеводой они вели себя нагло и развязно, несколько раз прерывая речь Лопаты свистом, непочтительными шутками и требованием денег. Грюнер, который мог остановить все это одним только жестом, молча стоял в сторонке и с нескрываемым интересом поглядывал на Пожарского, а тот сверкал глазами, скрипел зубами и нет-нет да тянулся к сабле, но все же находил силы сдержаться и сделать вид, что все это его ничуть не задевает.

С осмотром покончили только к вечеру, когда усталое солнце осторожно соскользнуло к самому краю земли и над крепостью разлился предзакатный сумрак, в гуще которого окружающий мир утратил привычные формы, а Лопата даже ненадолго потерялся в лабиринте эфемерных теней и расплывчатых фантомов. Не сразу найдя дорогу к гостиному дому, где временно встала его дружина, Пожарский вышел на него, ориентируясь по залиvistому храпу караульного, безмятежно спавшего на крыльце. Накопленная за день злость просила выхода. Лопата отвесил дремавшему увесистый подзатыльник и, пообещав в другой раз не обойтись рукоприкладством, ногой толкнул скрипучую дверь, собираясь устроить знатный разнос за безалаберность и пустое безделье. Но стоило ему оказаться в полумраке комнаты, где на лавках вдоль стен, беспорядочно сваленных тюках и кучах заплечных мешков вповалку спали дружинники, князь тут же остыл. Поморщившись от остро-кислого запаха давно немых тел, Дмитрий Петрович прислушался к тишине, наполненной тихими стонами, сладким усталым сопением, бессознательным бормотанием спящих и, покачав головой, сдержанно улыбнулся:

– Ладно. Спите. Поутру свое получите, – прошептал он и осторожно двинулся меж спящих к дальней стене, где угадывался тесный проход, слабо обозначенный изнутри тусклой медью лучинного света. Там, в небольшой комнате с маленьким столиком и двумя низкими лавками, ждали помощники. Устроившись у маленького оконца, затянутого мутной пленкой бычьего пузыря, Соловцов задумчиво смотрел в темноту, что медленно, но неотвратимо поглощала раскинутый снаружи мир. Лука за столом, на котором стоял светец⁹³ с густо чадающей тлеющей щепкой, азартно играл в кости сам с собой и к собственному удовольствию постоянно выигрывал. Гумер, по-восточному подогнув ноги, сидел на широкой лавке у кирпичной кладки печи и, что-то шепча, пальцами правой руки перебирал четки.

Появление князя преобразило всех троих.

– Разгрузились гладко, весь припас в целости, – докладывал Лука, пока Дмитрий Петрович снимал саблю и расстегивал кафтан. – Бывший воевода хотел, было, нас по дворам поставить, со стрельцами вперемежку. Да мы рассудили – лучше нам вместе быть покудова.

Лопата избавился от верхней одежды, оставшись в мухояровой⁹⁴ рубахе со свободным воротом, на талии схваченной простым пояском из крученой шерсти. Он со вздохом опустился на лавку, спиной прислонился к стене и, почуввав живое тепло древесины, слегка поплыл в дреме. Перед закрытыми глазами как наяву встали знакомые с детства луга в разноцветье пахучих трав, заботливо обкошенные поля с санными зародами⁹⁵, терем, окруженный белым цветом фруктового сада, и на крыльце Феодосья Андреевна, в подол которой вцепились два

---

⁹³ Светец – подставка для горящей лучины.

⁹⁴ Мухояр – бухарская ткань из хлопка и шелком.

⁹⁵ Зарод – большой стог сена, хлеба, не круглой кладки, а продолговатый.

беззаботно смеющихся мальчугана. Но стоило лишь протянуть к ним руку, как видение исчезло и Дмитрий Петрович очнулся в чужой темноте, пахнущей сухими травами, сапожным дегтем, потом и горьким чадом лучин.

– Дела наши, братцы, хуже некуда, – открыв глаза сообщил Дмитрий Петрович и в тоне его уже не было и следа от того раздражения, что владело им по приходу.

– Да уж понятно, – согласился Михаил, подвигая к князю чашу с медом и небольшую деревянную миску с давно уже простывшей отварной говядиной и куском хлеба. – Видал я здешнее воинство. С такими токмо зайцев в степи пужать, да и те через одного расхохочутся.

– То-то и оно. А к нам сегодня-завтра не зайцы припожалуют – казаки с сыроядцами⁹⁶ дикопольными. И числом их будет... А стало быть, коснети⁹⁷ нам не престоало. – Дмитрий Петрович вздохнул, избавляясь от остатков наваждения, тряхнул головой. – Наперед всего, дозорная служба. Дабы воры нас враспloch теплыми не взяли, глаза по всей степи раскидать надобно. Заставы да разъезды, секреты в прохожих местах. Местный вершинный голова сказывал, будто дело у них поставлено. Может, и так, да слепо не доверишься. Потому, Лука, грядущим днем подготовишься, возьмешь из наших, кого выберешь, коней сколь надобно будет, и скорым делом двинешь на дальние рубежи. Все осмотри, сосчитай, припас самолично пощупай да с людьми потолкуй. Негли⁹⁸ где воев мало, али острогам почин надобен. Места удачные для секретов али засек подмечай, где самострелы на стезе⁹⁹ поставить, где шлях колючками засыпать. Ну, да что я тебе, сам ведаешь.

– Ведаю, княже. Все сделаю. Только... – Лука замолчал, в нерешительности почесывая косматую гриву.

– Ну, говори, не девку сватаешь.

– Без коней такое дело не посылить. Сторожи, разъезды, дозоры. На то конные люди потребны. А у нас людей – кот наплакал, а коней и того меньше.

– Это верно, – Дмитрий Петрович уже знал, что большую часть коней минувшей зимой пустили под нож ради прокорма воинов, а то, что осталось, по весне хозяева свели дальше от обреченной крепости, дабы уберечь собственную живность, а страждущих избавить от соблазна. – Потому лежит тебе, Гумер, прямая дорога к калмыкам али ногайцам на торжище. Соберешь всю казну, что у нас есть, возьмешь пару верных людей и в степь. Сколь у нас по сусекам наберется?

– Пятьдесят сим.

– Маловато, – Лопата не скрывал разочарования. – Господин Ковров в крепостной казне нам совсем немного передал. Но ты уж поторгуйся. Ежели что из крепостного добра на обмен годится – бери моим приказом безраздумно. Всю хитрость свою в ход пусти, хошь, с дьяволом столкуйся, но коней нам добудь. Хоть два десятка. А добудь. Так-то вот. А у нас, акромья коней, еще один расход зреет. И весьма немаленький. Ландскнехтам с прошлого года ни копейки не плачено. Капитан ихний Коврову всю плешь на этом проел, да и на меня уже насесть пытался. Ныне я его, конечно, отодвинул, но в другой раз веей¹⁰⁰ от него не отвадишься – не муха.

– И много надобно?

– По уряду простому ратнику тридцать, десятнику полтинник да капитану самому сотню. Итого две тысячи двести восемьдесят.

---

⁹⁶ Сыроядец – дикарь, варвар.

⁹⁷ Коснети – медлить, долго раздумывать перед действием.

⁹⁸ Негли – может быть, возможно.

⁹⁹ Стезя – тропа, узкая дорога.

¹⁰⁰ Вея – тонкая гибкая ветка.

Лука от удивления выронил щепку для лучины, которую все это время вертел между пальцев, а Гумер, прищурился без того узкие глаза, присвистнул:

– Эй, нинди гаскэрилар. Бу акчалар эчен алар күз карашы белэн үтерергэ тиеш¹⁰¹.

– Это точно, – согласился Михаил, ни слова не поняв из татарской тарабарщины. – Кто ж им так щедро обещался-то? Вот воевода, бесовская душа. Как пить дать из царевой казны денежки достанет, а с иноземца после лихву¹⁰² получит за такой уряд выгодный. Все довольны, всем прибыльток.

– Наверняка, так и есть. Да что теперь за дело? Уряд есть, службу несли, стало быть, право имеют. Нам с этим что делать?

– Две тыщи, – покачал головой Михаил все еще не в силах поверить услышанному. – Легче ворота открыть да путь чист дать. Пушай валят, куда zenки лупятся. Небось, за год пограбили да сожрали боле, чем получить должны. А уряд – не беда. Дыры враз найдутся. Как повернуть, ино еще они нам должны окажутся. Такие деньги им отдавать. Всю Самару на коней посадить можно, да амбары под самые матицы забить. А нужны они на что? Как слепому фонарь. Только базгальничать¹⁰³ попусту могут. А как до дела дойдет, сбегут, не оглянутся. Аще того хуже – в спину пальнут, суки.

– Ну, все, будет, Михал Василич, остынь, – спокойно велел князь и поток желчи тут же смолк, хотя, загнанный внутрь, продолжал клокотать, изредка вырываясь из груди Соловцова коротким сдержанным рыком. – Ландскнехт он, конечно, сволочь та еще. Но в бою дюже хорош. Коли до жаркого дойдет, нужны нам будут эти молодчики. Да и не в том дело. Доведется – без них отобьемся. Только коли ныне мы ландскнехтов без обещанной награды выгоним, они свое грабежом брать будут. У нас и так мужика, как злата у нищего в торбе. А тут еще... А глядишь, они и того хуже удумают, к Заруцкому в Астрахань уйдут. Так что, хошь не хошь, а придется их возле себя оставить, от греха подале. А стало быть, и уплатить придется. Все положенное – до копеечки.

– И где ж мы столь денег возьмем?

– Не знаю, братцы, не знаю. Только взять надобно. Ладно, об этом после подумаем, как приспеет. А покуда отдыхать всем до солнца.

Дружинники ушли, еще некоторое время князь слышал за стеной их приглушенные голоса, но разобрать, о чем шепчутся подручные, не мог. Чувствуя, что дремота берет над ним верх, Дмитрий Петрович в несколько раз сложил брошенный прежде кафтан, устроил его на лавке у себя в изголовье и, с усталым вздохом завалившись на спину, погасил лучину в подставке на краю стола. Темнота тут же накрыла все густой непроглядью, а вместе с ней покой окутала полнейшая тишина, настолько тяжелая и глухая, будто весь мир умер в одно мгновение.

---

¹⁰¹ Вот это воины! Да за такие деньги она должны уметь взглядом убивать.

¹⁰² Лихва – проценты.

¹⁰³ Базгальничать – безобразничать.

Глава четвертая

– Уснули. Наконец-то, – Иван Алампеев отпрял от небольшого слюдянца¹⁰⁴ под самым потолком и присел на узкую лавку, что тянулась вдоль стен восьмиугольной комнатенки. Рядом, обеими руками опершись на рукоятку сабли, острием поставленной на пол, в хмурой задумчивости сидел старший брат Алампеева Федор. За ним – городничий Хомутской, уже сменивший праздничный наряд на повседневный кафтан, а скрипучие подкованные сапоги на мягкие удобные ичиги. Налево от низкой двери с фигурными накладными петлями, в проход выставив длинные ноги, устроился Раздеришкин. Одну руку положив на пояс с кривым татарским кинжалом, во второй он молча вертел казацкую люльку¹⁰⁵, словно раздумывая, задымить, или не стоит. Напротив входа, у дальней стены под небольшим киотом¹⁰⁶ с одним единственным образом, огромной горой возвышался хозяин – Ковров.

Вся эта компания едва вместились в тесное помещенье под куполом повалуши, куда из сеней вела крутая узкая лестница с двумя поворотами. Сидеть приходилось бок о бок, а установленный по центру низкий круглый столик с намертво прибитой к полу ножкой, лишь добавлял тесноты. Среди кружек, кувшинов с хмельным ядреным квасом и мисок со всякой всячиной чадила маленькая иноземной работы лампадка из прочеканенной бронзы с изящной стеклянной колбочкой – вынужденный подарок итальянского купца, в один из приездов не откупившегося от воеводы обычной мздой. Слабый, едва тлеющий огонек не освещал замкнутое в темноте пространство, а скорее подкрашивал мрак, дополняя его зловещим кровавым оттенком. Горько-воноющий дымок тонким замысловатым кружевом поднимался под потолок, где собирался в черное облако и копотью оседал на плотно подогнанных досках подшива.

– Вишь, как долго совет держал, – Ковров подхватил деревянную кружку и одним махом влил в себя ее содержимое, рукавом вытер усы, ладонью смахнул с бороды капли. – Принесла же нелегкая этакого злыдня. Еще на воеводство взойти не успел, а уже лютость показывает. Видали, как зыркал всюду. В каждый угол нос сунул, везде понюхал. А напоследок еще и все книги разрядные приготовить велел. Де, сдаточную опись составлять станем во всех подробностях. Вот, скажи, Федор Константиныч, на что ему для сдаточной описи все книги окладные листать, да противни проверять? Не пойму. Я от прежнего воеводы дела принимал, так выпили мы с ним, на словах он все обсказал, Афонька Смелов чиркнул, что положено и на том конец. А этот.

– Да брось ты, Андрей Иванович, не бери в голову, – пробормотал старший Алампеев, зубами терзая сушеного леща. – Это он так... Для острастки. Себя показывает. Вот, мол, какой я. А ну, всем встать смирно! Пожарский Дмитрий Петрович прибыл. Дрожите, сукины дети. Известное дело. Я тоже, знаешь, не первый год на службе состою и не в лапти щи наливаю. Толк в этом знаю. Бывало, прибудешь в городок иной, сотником там али иным рядцом¹⁰⁷ каким... И первым делом того, в морду кому-нибудь. Пару-тройку дерзких плеткой вдоль спины вытянешь... так после весь приказ как шелковый!

За одиннадцать лет государевой службы Федор Константинович Алампеев побывал во множестве гарнизонов на разных концах Руси и везде запомнился чрезмерной строгостью, а пуще того, ожесточенно безжалостным нравом, от которого нешуточно пострадали многие его подчиненные. Ратных подвигов за ним не было – несколько раз захватывал обозы

---

¹⁰⁴ Слюдянец – окошко, застекленное слюдяной пластиной.

¹⁰⁵ Люлька – особое приспособление для курения специально подготовленного и нарезанного табака.

¹⁰⁶ Ки́от, киво́т, кибѣть (от греч. κίβωτός – ящик, ковчег) – особый украшенный шкафчик (часто створчатый) или застекленная полка для икон.

¹⁰⁷ Рядец – служащий, чиновник.

и однажды велел казнить полоняников, которых воевода Трубецкой оставил под его присмотром. В остальных случаях на поле брани вся воинственность и жажда крови Алампеева испарялась без следа. Зато в мирной службе к подначальникам он был жесток – до бескрайности, настолько, что даже сейчас, просто рассказывая о своих подходах и правилах, Федор Константинович ярился и свирепел, глаза его заблестели, дыхание участилось и сквозь резкую обрывистую речь то и дело раздавался скрежет стиснутых зубов.

– Так что ныне он полютует, конечно. Денька два. А после угомонится. И пойдет все, как прежде шло. А там, глядишь, и воеводство тебе вернется в скорости. Да что ж в самом деле. Он ведь самому тому Пожарскому, – Алампеев поднял вверх палец и ткнул им в потолок, – сродственник. Нешто тот брату своему хлебного места при Москве не сыщет? Уж не знаю, по какой лихоманке его в нашу дыру занесло. Только надолго он здесь того... не останется.

– Эх, Федор Константинович, – Ковров в отчаянии махнул рукой и опять залпом осушил только что наполненную кружку. – Боюсь, что теперь уж и не в воеводстве дело? Не об том печалюсь.

– Да понятно, – с ехидным хохотком отозвался Алампеев, косясь на опального воеводу. – Не за себя жалеешь, за Русь-матушку радеешь.

– Посмейся-посмейся. Вот как зачнет он в противнях рыться... как всплывут делишки наши, так и схватит он нас за бороду, да не отпустит, покуда до плахи не доведет.

– Ты ж сам нынче сказывал, будто у тебя в книгах порядок полный, – с некоторой растерянностью спросил Федор, чем вызвал смешок Раздеришкина, а Хомутского заставил покачать головой.

– Порядок, вестимо, – со злой ехидцей ответил Ковров. – Для нас с тобой, али другого кого, кто по строкам читает и дале того не суется. А кому ума хватит акромья написанного еще и то, что не дописали увидеть... Так что будь спок, скоренько он все наши проделки знать будет. До чего сам не додумает, то добрые люди подскажут – найдутся.

– Я им языки-то укорочу, – выпалил Федор, хватаясь за саблю, будто гнусные доносчики стояли сейчас прямо перед ним.

– Гляди, как бы тебя на голову не укоротили, – со спокойной насмешкой ответил Раздеришкин. – А не то прознает новый воевода про твои делишки... Вот потеха будет.

– Ну! – прикрикнул Ковров, видя, что Алампеев уже угрожающе привстал, да и младший брат всем видом выражал готовность прийти на помощь старшему. – Собаченья нам тут еще не хватало. Ну, а ты что молчишь, Егор Петрович?

Хомутской медленно повел тяжелой косматой бровью, в тонкую линию сжал губы, осторожно отодвинул от себя кружку – за весь разговор, что длился от закатного часа и в предрассветную пору еще не думал заканчиваться, он так и не притронулся к хмельному питью и посудина оставалась наполненной до краев.

– Слушаю я вас, братцы, и понимаю, что не разумеете вы ничего. Судите-рядите, друг с другом спорите, один другому глупости всякие толкуете. А сами... дальше носа своего глянуть не способны.

Егор Петрович говорил холодно, жестко, резко, так что сказанное им вполне могло сойти за обиду. Но возражать Хомутскому, и уже тем более возмущаться его тоном никто не стал, а потому Егор Петрович продолжил:

– Вот ты, Андрей Иванович, сказываешь, наказал тебе Пожарский к завтраму книги окладные готовить? А мне нынче велел днями всех голов посадских и старшие дворы¹⁰⁸ к нему привести. Зачем? А как он в амбарах все высматривал да о хозяйстве нашем расспрашивал. Сколь в былые годы собирали, сколь ныне собрать думаем. Это ему на что? А на то. Подсчиты-

---

¹⁰⁸ Старшие дворы – в системе налогообложения средневековой Руси все хозяйства делились на три категории. Старшие, средние и младшие дворы. В зависимости от принадлежности к той или иной группе определялась величина податей.

вает, сколь из Самары выжать можно, покуда вор не пожег ее совсем. То-то. Не ради брани он сюда прибыл, тут уж и речи быть не может. А послан он сюда самим Дмитрием Михайловичем богатство беззаконно наживать.

– Это как же? – Иван Алампеев, потрясенный услышанным, первый раз за весь вечер разомкнул уста и в ожидании ответа городничего так и сидел с раскрытым от удивления ртом.

Хомутской улыбнулся в ответ. Злорадно и хищно, обнажая крупные желтые зубы, в плотном ряду которых не было ни малейшей щелочки.

– А вот так, Ванечка. Выгребет из наших сундуков все, что за эти годы божьей милостью справить нам довелось, до нитки обдерет каждого, от бедняка беспортошного до животночника знатного, а после... после вор придет, крепость огню придаст – все концы в воду. Нища и худа Самара была, али богатства несметные в ней имелись, а ежели так, так куда они подевались. Кто ж после прознает. Война все спишет. И меня с тобой тоже, коли нужда в этом будет. Так что... – Хомутской покачал головой, поднял кружку, поднес ее к губам, но, поразмыслив недолго, поставил на место. – А вы тут о ерунде всякой спорите.

В восьмиугольной комнатенке повисла тишина. Не та тяжелая и гнетущая тишина, когда совсем нечего сказать, а та осторожная предвестница недоброго, в которой, наоборот, рождается слишком много мыслей, заставляющих иначе посмотреть на привычные, еще вчера такие простые и бесспорные вещи. Ковров задумчиво смотрел в кружку, на дне которой еще оставалось несколько глотков. Раздеришкин уже спрятал в накладной карман кафтана люльку и теперь внимательно изучал острые носки собственных сапог. Иван Алампеев, не спеша, пожевывал длинные тонкие ломтики копченого мяса, и только постоянно менявшееся количество морщин на лбу выдавало присутствие мыслей в его косматой голове. Его брат с завидным усердием обглаживал копченое баранье ребро с остатками темного мяса, время от времени то саркастически усмехаясь собственным мыслям, то соглашаясь с чем-то коротким кивком.

– Вона как ты все поворачиваешь, – наконец, задумчиво протянул он, рукавом вытирая измазанную жиром бороду.

– А то как же, Феденька. Ты же сам нынче верно судил о нем – в обоих ополчениях прославился, сам, де, Дмитрий Михайлович ему брат и друг ближний. Так что ж бы ему в нашей-то глухомани делать? Этому человеку! Нешто на Москве не знают, какова нынче Самара, что двадцать тыщ здесь сдержать – немислимо? Знают. Дмитрий Михайлович лучше других. На худой конец, коли и правда хотел бы он заслон Заруцкому ставить, так послал бы братца своего в Казань вместо Одоевского. Там и сила поболее и крепость понадежнее. Вот то было бы дело. Согласен? А тут что ж? Получается, он братца своего любимого на верную гибель послал? Мало верную, так еще и бестолковую, как бабья башка немытая. Тут я тебя, Федор Константиныч, по-твоему спрошу. Дураки они оба что ли? А? Не дураки. Ой, не дураки. Тогда пошто он сюды прибыл? А по то и прибыл. Все вычистит, все подберет до копейки, а после братец его славноносный на стругах прибудет, сгрузят все добро наше, а городишко Заруцкому на потеху оставят. Аще сами красного петуха пустят для верности, дабы лихоимство свое замести. Так-то будет. Не сомневайтесь. Для того он и старшие дворы на разговор собирает. Для того и окладные книги затребовал. Считать станет, да страху на нас нагонять – благо есть за что ухватиться.

– Да уж, – тихим голосом, больше похожим на шепот согласился Андрей Иванович, с которого весь хмель слетел в одно мгновение, уступив место болезненному гулу в голове, настолько переполненной мыслями, что сосредоточиться на чем-то одном у него не получалось. – Мало бед нам было с войной этой проклятущей. Так вот нате вам. Еще один подарочек.

– Ладно, Андрей Иванович, не бухти, – прервал этот жалобный поток Хомутской. – Лучше думать давай. Нам теперь много думать придется.

– А чего тут думать-то?! – тут же выпалил в ответ Алампеев. – Коли так... коли он нам на погибель прибыл, стало быть... Нам его раньше надобно, – Федор огромной ладонью хлоп-

нул по столу и вдобавок изобразил, будто растирает убитое насекомое в пыль. – Покуда не успел он тут... Ну, того, стало быть.

– Ох, Федор Константиныч ты и... – сокрушенно покачал головой Ковров. На язык просилось плохое обидное слово и пока Андрей Иванович подбирал ему замену, на помощь пришел Раздеришкин:

– Горяч не в меру, – с ехидной ухмылкой произнес он, но тут же стал серьезным. – С ним дети боярские, каждый – воробей стреляный, пороху нюхнувший таково, что тебе и не снилось. Да сверх того, три десятка холопов. Все при оружии – не чета твоим стрельцам. Да и много ли их за тобой пойдет на беззаконие такое?

– Но-но. – Хомутской поспешил перебить Раздеришкина. – Ты что, Аким Савельевич? Ты о каком злодействе толкуешь тут? Один брякнул, не подумавши, а ты уж, понимаешь... О душегубстве речи нет.

– Что ж взамен предлагаешь? – спросил Ковров, большим вышитым платком отирая шею, покрытую крупными каплями пота – в комнатенке было душно, да и разговор держал бывшего воеводу в напряжении.

– Эх, Андрей Иванович, самому бы знать, как верно сделать, – Хомутской опять принялся вертеть в руках наполненную кружку, к которой он до сих пор так и не прикоснулся. Потом вернул ее на место и, всем своим видом выражая нерешительность, сомнения, заговорил тихо и вкрадчиво. – Думаю так. Коли он сюды ради наживы бесчестной прибыл. Так... может, помочь ему.

– Это как же?

– Ты об чем это, Егор Петрович?

Хомутской выдержал паузу, во время которой поочередно переводил внимательный взгляд с одного собеседника на другого, словно оценивая, стоит ли поделиться пришедшей мыслью или лучше оставить ее при себе.

– Соберем всем миром откуп богатый да к ногам евоным бросим. На, мол, возьми, а городишко наш в покое оставь. Отправляйся-ка, мил человек, восвояси с миром.

– Хм-м-м, – в задумчивости Ковров потеребил бороду, скосил глаза на Алампеева, у которого меж бровей появилась глубокая вертикальная складка, посмотрел на Раздеришкина, но по его бесстрастному лицу невозможно было понять, что он думает и думает ли вообще. – Так-то конечно... дельно. А ежели не возьмет?

– Как это не возьмет?! – возмутился Алампеев. С малых лет глядя на то, как отец на службе, не задумываясь, брал даваемое и без зазрения совести прикарманивал все плохо лежащее, Федор Константинович поступал так же и теперь даже представить не мог, что кто-то добровольно откажется от идущей в руки легкой добычи.

– Коли с умом все сделаем – возьмет. Никуда не денется, – безоговорочно постановил Хомутской и замолчал.

Пристально глядя на тонкий язычок пламени, танцующий над фитильком за ажурным узором на стекле лампы, он в задумчивости теребил верхнюю пуговицу кафтана. Ковров, потягивая из кружки, терпеливо ждал, старший Алампеев заглядывал в опустевшие кувшины, пока младший широко и сладко зевал, обдавая собравшихся кислой болезненной вонью пополам со свежим перегаром.

– Да, верно, – согласился Егор Петрович со своими мыслями. – Поможем мы ему на наше предложение согласиться. Покуда прицениваться к нему будем, да деньги собирать, воеводе новому понять дадим, мол, не примешь откупа нашего – без ничего останешься. Амбары пустые он нынче сам видел. Со старшими дворами я перетолкую, научу, что сказать, кем прикинуться. Покажем ему нужду здешнюю без прикрас. Пушай поймет, что много из крепостишки нашей не выжмешь, хоть жилы все себе порви. А коли так, то уж лучше предложенное взять, да и... Так ли я помыслил?

– Сомнительно, – Ковров нерешительно пожал плечами. – Он тоже не дурак.

– Не дурак, – согласился городничий, который на глазах обретал уверенность в успехе задуманного. – Только мы не глупее ихнего. Я вот что думаю. Первым делом надо бы нам с вами, братцы, прознять, каковы мечтания у Пожарского этого. Сколь на деле этом он разбогатеть думает. Коли это познаем, так и откуп соберем такой, что не откажется.

– И как же мы прознаем про то? В лоб-то не спросишь.

– Не спросишь, само собой. На то нам и голова дана. Думать надо. Вот, к примеру, возьми, Андрей Иванович, да в гости его зазови. Накрой стол, баньку истопи, девку ладную подсунь, чтоб размяк он, аки сухарь намоченный. Глядишь, и узнаем что нужное.

– Эка, – Ковров крякнул и со смущенной улыбкой покачал головой. – А чего это я?

– А кто же, Андрей Иванович? Не эти же вот, – Хомутской кивнул в сторону Алампе-евых. – Акиму Савельевичу воеводу звать не с руки – чином не вышел. Как бы Пожарский это за оскорбление не принял. Мне со старшими дворами и прочей земской шушарой решать надобно. И вскорости. Так что не до гостей мне. А ты его правая рука, из наших, самарских, самый ближний служник. Так что тебе, боле не кому. А ты чего? Испужался ни то?

– Да что испужался-то сразу? – Ковров со злобной укоризной взглянул на Алампе-ева, который при словах городничего язвительно хохотнул. – Просто... девку таку я где возьму? Я ж сроду не кобельничал, все как-то. Да и Степаниде Григорьевне я как сие преподнесу? Такой дым коромыслом поднимется.

– Я-то думал, ты воеводы нового испужался, – осклабился Алампеев. – А ты пред женкой листом осиновым трясешься.

– Ты бы помолчал с шутками своими, – Ковров повысил голос, но Федор Константинович лишь махнул рукой.

– А ты на меня не рычи. И таково не гляди. Ты нынче не воевода уже. Власти надо мной не имеешь. Так-то.

Ковров угрожающе зарычал и стал приподниматься, в порыве охватившей его злости пытаясь отодвинуть в сторону столик, единственная опора которого была намертво прибита к полу.

– Вон ты как заговорил. Значит, покуда с моей руки кормился, Андрей Иванович красным солнышком был, а ныне... да я тебя...

– Ну-ну, тихо, – Егор Петрович ухватил Коврова за рукав и усадил на место. – Ты Федор Константинович, не налегал бы на квас так рьяно. Ядреный квасок-то. А ты успокойся, Андрей Иваныч. Что с него, дурака, взять? Лучше подумай, как дело обставить правильно. Аграфена Купальница¹⁰⁹ скоро. Вот и повод хороший. Так что... думай, покуда, Андрей Иваныч. От того ныне всех нас судьба зависит. А мы тоже сложа руки сидеть не станем. Деньги собирать – дело не простое. С земскими я перетолкую. Ты, Феденька, со стрельцами своими рыбаков да сыроядцев с торжища тряхни. Пушай хоть на малое раскошелятся – с паршивой овцы хоть шерсти клок. А ты, Аким Савельевич...

– Ну, уж нет, это без меня, – перебил городничего Раздеришкин.

– Как же? – от этих слов Хомутской на мгновение потерял дар речи и даже глаза его, всегда холодные, как оружейная сталь, засверкали недоумением. Но остальные еще не успели удивиться, а Егор Петрович уже взял себя в руки и вернулся в обычное для него состояние полной бесстрастности. – Ты что это удумал, Аким Савельевич?

– Долго я вас слушал, господа хорошие, – спокойно заговорил Раздеришкин, подобрав под себя ноги и скрестив на груди длинные руки. – Слушал и никак понять не мог: я-то что

---

¹⁰⁹ Аграфена Купальница – 6 июля, начало купального сезона. В этот день принято было с утра париться в банях веником из полыни.

здесь делаю? Про вас понятно. Вы об мошнях своих волнуетесь, добро наворованное спасаете. А меня это каким боком касается?

– Таким, что ты с нами в одной упряжке шесть лет валандаешься. Или ты решил в трудный час от друзей откалываться?

– Э, нет, это ты не ври, господин городничий! Не были мы никогда друзьями и наперед не будем. Судьба в одном котле посолила, вот и варились вместе. А службы-то у нас разные. Твоя нива – оброк с людей вместе с кожей драть да поборы им разные на ходу придумывать, а я хлебные четы¹¹⁰ кровью выкупаю.

– И много ты ее, крови-то своей, пролил?

– Много, мало – вся моя.

– Гляди-ка, какой выискался! – вскрикнул Ковров, тяжело вставая на ноги. Огромный и расхристанный, он поднялся над столиком, который показался совсем крошечным и хрупким, волосатой ручищей раздвинул посуду, сбросив на пол пару мисок, опрокинув кувшин, и в тесноте покоев угрожающе навис над Раздеришкиным, отбросив на стену страшную причудливую тень. – Хочешь сказать, мзды незаконной никогда не брал? Ты что ж, думаешь, коли свои делишки не в городке, а на порубежье обделывашь, так никто ничего про подвиги твои не ведает? Про то, как ты тезиков¹¹¹ с заповедным¹¹² товаром по тайным тропам за мзду водишь? Или с сыроядцами торгуешь беспошлинно?

– Вожу. Торгую. Есть такое, – обличение ничуть не смутило Раздеришкина. – Только из государственной казны я ничего сроду не крал, а все, что собирал несправедно, на службу же и тратил. Иной вершник в крепость прибудет – ни сабли, ни снаряда доброго. Сам голодный, босоногий. С каких прибытков, думаешь, я его кормил-обихаживал? А кони? Минувшей зимой ты, господин воевода, на кормежку и полденьги¹¹³ мне не выдал. Как же я все порядком содержать должен?

– Ох, праведник какой. То-то смотрю, от забот твоих почти всех лошадок под нож пустить пришлось.

– А коли б не я, так и всех пустили бы. Все, как один, спешились бы.

– А тебе в карман, стало быть, ничего не осело?

– Осело малость, врать не стану. Только за свое я сам отвечу. А подначальников своих заставляю карманы выворачивать, дабы шкуры ваши спасти... Нет уж. Пошто к нам Пожарский прибыл? Вправду ли Заруцкого воевать, али как Егор Петрович говорит, Самару побором обкладывать. Не мое дело. Я – человек служивый. Позовет с ворами биться, пойду с ворами биться. А начнет лихву выжимать, так мне бояться нечего. Да и терять тоже не особо. Так что... Пойду я, пожалуй, ибо дальнейший разговор для меня неинтересен.

Раздеришкин встал, подчеркнуто неторопливо отвесил всем учтивый поклон, после чего, пригибаясь, вышел на лестницу и вскоре до покинутых им заговорщиков донеслось цоканье подков по деревянным ступенькам, которое сменилось тихим скрипом плохо смазанной петли и легким стуком затворяемых дверей.

– Как бы не продал он нас, – тихо высказался Алампеев, вопросительно глядя на Хомутского.

– Не продаст, – спокойно ответил Хомутской и впервые за все это время отпил из кружки уже теплый квас. – Да и продавать-то нечего. Нешто мы здесь об измене толковали? А что ушел... Так это даже хорошо. Ежели на кого надеяться нельзя, так лучше сейчас пусть прозна-

---

¹¹⁰ Четверть или четь – мера сыпучих тел на Руси, равная примерно 209 л. Служилым людям кроме денежного довольствия выплачивали еще так называемый «прокорм», который чаще всего измерялся хлебными четьми.

¹¹¹ Тезик – купец из Азии.

¹¹² Заповедный товар – контрабанда.

¹¹³ Деньгá (до конца XVIII века – денга, от тюрк. *tänkä* – монета) – собирательное название древнерусских серебряных монет.

ется. Так-то вот. Что ж, и нам пора. А то светает уж, скоро при новом воеводе первый совет. Так что... айда расходиться, братцы. Хозяину за хлеб-соль спасибо, а что порешили, на том и встанем.

Первым на ноги поднялся Иван Алампеев – Федор кивком указал ему на выход, а потом и сам, сухо попрощавшись с товарищами, покинул тесноту повалушных покоев, на ходу обсуждая с братом, кого бы можно тряхнуть, дабы наскоро собрать побольше денег для откупа. Хомутской ушел молча, напоследок лишь ободрительно кивнув Коврову. Андрей Иванович остался один. Уже звонкоголосые петухи вразнобой пропели оду очередному рассвету, полутьма сменилась бледной серостью, а бывший воевода все сидел, не меняя позы и пристально глядя на собственное отражение в простывшем на сквозняке стекле давно уж погасшей лампы. Беспорядочные мысли о вновь выпавших на его долю напастях мешались в тяжелой от хмеля голове с тревожным ожиданием будущих испытаний и обрывками ярких воспоминаний о днях минувших.

Отец и дед, царство им небесное, с детства учили, что главное в этой жизни – семья и первый долг его, князя Коврова, заботиться о благополучии древнего рода, что брал начало от самых знатных русских фамилий, оберегать его и преумножать доставшееся от предков богатство. А для того всего-то и нужно, верно и честно служить государю, что дан этой земле самим Господом Богом. Да, дорога его праотцов была пряма, как клинок двуручного меча, а жизнь проста и понятна. Ему же досталось иное время, когда все вокруг не просто встало с ног на голову, а делало это по сто раз на дню. Он жил, словно качался на маятнике между ледяной пустыней и гиеной огненной. Ох уж эта Смута, будь она проклята на веки вечные. Стремительной бурей, неудержимым ураганом разрушила она прежний мир, разнесла его в щепки, превратила в обугленные руины, укрытые непроглядным кровавым туманом, в пелене которого они и плутали ныне, словно ослепшие овцы, сшибаясь на ровном месте и нещадно давя друг друга почему зря.

Вчерашние сильные мира сего за мгновение становились рабами, на их место приходили новые повелители без роду и племени, чтобы на завтра уступить место другим ловцам удачи, которых судьба возводила на вершину только для того, чтобы тут же обрушить в бездну небытия и забвения. И никто из этих властелинов на час не ведал жалости к проигравшим – спеша насладиться временной победой, каждый из них беспощадно выжигал даже тех, кто случайно оказался рядом с его поверженным врагом, без разбору лил кровь закоренелых грешников и безвинных агнцев. В этой чехарде черное с белым так часто менялось местами, что теперь уж никто не мог разобраться, где одно, где другое – посреди бесконечного хаоса, смятения и всеобщего помешательства все потеряло значение, все утратило смысл и меру.

Поначалу князь Ковров еще тяготился своими изменами и после каждого предательства долго терзаем был собственной совестью. Но очень скоро он заметил, что ни само предательство, ни его переживания ничего не меняют в этом сумасшедшем мире и никак не отражаются на нем лично. Его не поражает молния, земля не раскалывается под ногами, разверзая кипящую бездну ада, как обещал когда-то дед, считавший крамолу самым страшным из смертных грехов. На голове его не вырастают рога, под копчиком не болтается хвост и вместо ног не появляются копыта, а тело не покрывается язвами и коростой, как сулил юному Андрею отец в редких воспитательных беседах. Так что каждая новая измена давалась все проще и оставляла в душе его все меньше сомнений в праведности свершенного поступка, а вид болтавшихся в петле «верников», не пожелавших отказаться от клятвы ради спасения собственных близких, лишь добавлял Коврову уверенности в том, что выбранный путь был единственно правильным.

А вскоре, когда он окончательно избавился от глупостей вроде совести, Андрей Иванович увидел, что если делать все с умом, не упуская случайных возможностей, то можно не только сохранить голову и уберечь от несчастий близких, но еще и неплохо нажить. Нет, он никогда не предавал ради золота – честь старого княжеского рода не допускала такого позора. Но если

очередной господин щедро платил новым подданным за измену, на которую они шли не ради наживы, но по принуждению обстоятельств, так почему бы не взять? Ведь он все равно изменил, и полученная мзда не сделает его измену более страшной. А если кто-то, до беспамьяства перепуганный вероятной расправой, просил, на коленях молил Коврова, только что предавшего старого господина, замолвить за него слово перед новым покровителем, так почему бы не потребовать за это награды? Он ведь тоже рискует – кто знает, как обернется подобная просьба и не попадет ли он сам через это в опалу. А если добро, которое после казни очередного упрянца, что не пожелал склонить головы, осталось бесхозным и теперь само шло к нему в руки? Все одно ведь растащат, не он, так другие. А если кто-то оборотистый и удачный в неправедных делах не хочет поделиться с воеводой, отдать ему положенную неписанным законом десятину, так почему бы не изобличить его, крамольника, и через праведный суд не отправить на плаху, чтобы после по бревнышку раздербанить его хозяйство. В конце концов, это ведь его святой долг и обязанность – честно и верно служить господину, покуда тот господин.

Да, за пятнадцать минувших лет много выпало на его долю непростых испытаний. И каждое могло закончиться тяжким, непоправимым крахом. Тогда ему повезло целехоньким и невредимым проскочить среди жерновов, что в легкую с хрустом перемалывали самых разных людей, от простого пахаря до князей рюриковой крови. Но как-то будет теперь? Прихода Заруцкого Андрей Иванович не боялся – он и его атаманы были для Коврова открытой книгой, кою он уж не раз перечитал от корки до корки и наизусть знал содержание каждой страницы. С ними он поладит. А вот Пожарский? Поди, пойми, кто он таков? Ни сук, ни крюк, ни каракуля. Угадай, попробуй, куда поведет да каким боком вывернет. Тут Егор Петрович, конечно, прав – помыслы нового воеводы прознать не мешало бы. Но как? Ежели очертя голову, безосмотрительно в это дело сунуться, так и в петле кончить можно. Сам-то городничий ловко в сторону отскочил. Старый лис, тертый. Понимает, что затея эта чем угодно обернуться может, потому и хоронится. Коли справится Ковров, так и они за ним в рай проскользнут, а коли нет... его голова с плеч, а они вроде и не при чем как бы. Еще и поклепничать на него станут, дабы себя выгородить. Как же устал он от всей этой мышинной возни, где каждый, кто прячется у тебя за спиной, готов всадить в нее нож при случае.

Последнее время Андрей Иванович все чаще задумывался об этом. Оставить службу и удалиться в тишь вотчины – морковку выращивать. Может, сейчас самое время? Сказаться недужным, собрать пожитки да и... Скопленного ему хватит, дабы дни, что отведены ему на старость, коротать в безбедности. А вся эта булга¹¹⁴ без конца и без края... сколько веревочке не виться. Может и не ждать, покуда очередной лиходей обрубит ее так, что концы разлохматятся.

Звук легких осторожных шагов на всходнице¹¹⁵ вернул Коврова в день сегодняшней и отвлек от тревожных мыслей. Коли холопы еще внизу, на страже, а в этом Андрей Иванович не сомневался, то пропустить они могли только одного человека. Встрепенувшись, князь торопливо поднял опрокинутый кувшин, ладонью сгреб на край стола крошки сухарей, рыбу чешую, прочий мусор и смел все в пустую чашу, а сам пересел к выходу, подальше от лужи разлитого кваса.

– Что-то завечерялся ты с гостями, батюшка, – в повалуше появилась княгиня – Степанида Григорьевна. Невысокая и сухая настолько, что худобу ее не скрывал даже просторный наряд с большим количеством складок. Она остановилась на пороге, внимательным взглядом тускло-серых глаз оценила обстановку и недовольно поджала тонкие бледные губы, но тут же

---

¹¹⁴ Булга – склака, свара, тревога.

¹¹⁵ Всходница – лестница.

улыбнулась и присела рядом с мужем, худым острым плечиком прижимаясь к его могучей ручище.

Будущую свою жену Ковров впервые увидел за три дня перед обручением. Степанида, тогда еще сочная и фигуристая, ему понравилась, тем более, что красота и юный цвет невесты дополняло щедрое приданое. Вскоре она подарила ему сына – всего у них было четверо сыновей, а дочка, которой нынче стукнуло пятнадцать, уродилась точной копией матери, и хотя за все эти годы слова любви в их доме ни разу не были сказаны наедине, в ночной тишине княжеских покоев, а произносились только прилюдно и когда это полагалось по этикету, Андрей Иванович знал, что без Степанидушки своей не протянет и дня, ибо она успела стать для него незаменимой жилеткой для слез, верной опорой в невзгодах и мудрым советчиком, чьи наставления не раз спасали семейство от катастрофы.

– Худо? – просто, без обиняков, спросила Степанида Григорьевна.

– Угу, – буркнул в ответ Ковров. – Опять господь испытание нам посылает. Уж и не знаю, чем кончится все. Егор Петрович непщует¹¹⁶, что Пожарский этот ради грабежа сюды прибыл. Разорить, де, Самару да на Заруцкого все свалить. Вор, де, пожар городок наш и все тут.

– Гляди-ка, – удивилась Степанида Григорьевна, но голос ее оставался ровным и спокойным. – И что же?

Андрей Иванович скорчил мину и неопределенно пожал плечами, давая понять, что не очень-то хочет говорить об этом, но настойчивое молчание и пристальный взгляд жены заставили его открыть сомнительные планы городничего.

– Ну, верно думаете, – одобрила Степанида Григорьевна.

– Да верно-то верно. Только залаз¹¹⁷ уж больно велик. И все на мою голову. Да и... – Андрей Иванович опасливо покосился на супругу, которая неспешно водила ладошками по бедрам и слегка покусывала нижнюю губу, как делала всегда, всерьез задумавшись над чем-то важным. – Где я им девок таких возьму. И стол богатый накрыть тоже... времена ныне не тучные.

– Слава богу, не последнюю крошку доедаем. Ради такого дела открою закрома, самые лучшие угощения приготовлю. Да и девки подходящие найдутся. Об мелочах бдеть¹¹⁸ мне доверь. Себе голову не забивай. Думай, лучше, как ладней Пожарского обадить¹¹⁹. Когда задумали, говоришь? На Аграфену? Вот и ладно. Времени вдосталь. Так все сладим, комар носу не подточит.

Степанида Григорьевна маленькой ладошкой снизу вверх провела по спине мужа, запустила тонкие длинные пальцы в спутанную гриву и принялась легонько ерошить густые волосы на затылке. Андрей Иванович, с блаженным вздохом закрыл глаза, но чуть погодя все же заговорил о сомнениях, осторожно и вкрадчиво:

– Устал я, Степанидушка. Думал уж, бросить все это к чертям собачь...

– Не богохульствуй, – строго, но холодно, совсем без эмоций перебила его Степанида Григорьевна. – И глупости в голову не бери. О чем ты? Как все нажитое бросим здесь?

– Да что здесь бросать-то? – нерешительно продолжал Ковров, искоса поглядывая на жену. – Хоромы токмо одни. Так отцовский терем ныне не хуже отстроился. А золотишко припрятано столько... Скажусь, мол, вотчину попроведать надобно. А оттуда через недельку пришлю весточку, захворал, мол, и к службе боле не способен. Тут и вы за мной.

Степанида Григорьевна нежно сгребла в кулак каштановые кудри, осторожно и властно потянула к себе голову мужа и положила ее к себе на колени.

---

¹¹⁶ Непщати – полагать.

¹¹⁷ Залаз – опасность, губительность.

¹¹⁸ Бдеть – заботиться.

¹¹⁹ Обадить – обмануть, расположить к себе.

– Ну, ты что, Андрюшенька. Пожарского какого-то испужался. Мы с тобой столько татей пережили, куда пострашнее этого. Да и не для того десять лет горбатился ты, чтобы нынче бросить все другим под ноги, а своих детей без кормления оставить. Много ли прибытку им вотчина даст? Только что с голоду ноги не протянуть. А в люди выбиться да на Москве место хорошее достать? Или хочешь, чтоб они за тобой всю жизнь воеводскую лямку тянули, как бурлаки баржу? А сродственников всех ты куда подеваешь? У тебя вся малая дружина – кровники. Здесь они за счет службы кормятся, а потом? То-то и оно. Так что пусть не блазнит тебя сие, Андрюшенька. А коль уж совсем невмоготу тебе стало, так один уезжай. Без меня.

В ответ Андрей Иванович лишь плотнее прижался щекой к плоскому упругому животу и, закрыв глаза, почувствовал, как ее тепло, легкая ритмичная дрожь, рожденная в глубине родного тела биением сердца, наполняют его уставшую душу решимостью и силой, которой так не хватало, когда он, одинокий и растерянный, в предрассветной мгле повалуши продумывал планы бегства. Нет уж, не дождутся. Он не даст этим волкам отнять у него то единственное, ради чего живет на этом свете. Даже если для этого ему придется безбожно врать и коварничать, подло чернить невинных и наговаривать на достойнейших, приносить ложные клятвы и переступить через данные с сердцем присяги, золотом добывать чью-то благосклонность, чужой кровью покупать чье-то покровительство, добровольно отдавать себя в рабство новому господину, чтобы потом при случае с потрохами продать его свежеиспеченному победителю.

Глава пятая

Шел сенокос и уже неделю все кушалинцы от мала до велика жили на дальних лугах, где трава в этом году уродилась особенно доброй – по грудь ростом, сочна и мясиста. Погода радовала, над разноцветным простором стояло ведро, в прозрачной синеве ни облачка. Едва только утро нежно-розовой зорькой проливалось на землю, мужики разбирали наточенные с вечера косы, становились цепью и под заводимую хором песню медленно двигались по усыпанной алмамантовой¹²⁰ росой луговине, оставляя за собой косматые волны свежескошенной травы, которую бабы с граблями тут же разбивали и разметывали по сторонам для просушки. Над пожней поднимался густой аромат, от которого голова кружилась пуще, чем от хмельной медовухи. К нему примешивался дразнящий запах толоконной каши, что бурлила в огромном котле на треноге у шалашей из старой драни и свежих зеленых веток. Рядом, в тени растянутых на кольшках холстин, под присмотром вечно бурчащих стариков играла мелковозрастная, еще не способная к труду ребятня.

– Казаки!!! – разлетелось вдруг над покосом. – Спасайся, кто может!!!

Загудела земля, сотрясенная ударами сотен копыт. Истошный бабий вой смешался с детским визгом и несусветным матом мужиков, беспомощно метавшихся по скошенному лугу. Над стожками уже поднималось прожорливое пламя, под ржание коней и хохот налетчиков по небу поползли густые пряди ядовито-черного дыма с горьким запахом в пепел сгоревшего счастья.

Дмитрий Петрович вскочил, рукой нашаривая саблю и спросонья пытаясь перекрычать обезумевших от страха людей, но, придя в разум, обнаружил себя в липкой духоте спертого воздуха посреди тесной комнатенки, залитой бледной мглой молодого рассвета. Поняв, что все это было лишь сном, облегченно вздохнул, подошел к окну, сквозь муть пузыря рассматривая чужой незнакомый город. С Волги нанесло туман, рваными клочьями он разлегся над огородами, плотной дымкой окутал избы и тесные улицы, густо клубился зажатый между кривых дощатых заборов, и не мог добраться только до одинокого купола церковной колокольни, что трехсаженной стрелой поднималась над унылым бесцветным пейзажем.

Под тяжелый стук подкованных сапог вошел Соловцов – начальный самарский люд уже собирался возле съезжей. Дмитрий Петрович наскоро умылся, на ходу, без церемоний, доел остатки вчерашней трапезы, которые Михаил предусмотрительно накрыл платком, надел свежую рубаху и простой кафтан, затянулся поясом.

В горнице со вчерашнего вечера все заметно преобразилось. Дружинники уже избавились от пыли и мусора, навели порядок – по-мужски неприглядный, уныло однообразный, но удобный и практичный. Задержавшись на крыльце, Лопата втянул мозглый воздух с запахом древесной гнили, речной сырости и цветущей воды, с интересом посмотрел на небо. Обещая погожий денек, ласточки стремили полет вверх, но сплошная серая пелена грозила ненастьем, так что не понять было самарцам, чего ждать к обеду: то ли солнце проглянет сквозь гущу небесной хмари и приласкает продрогшую землю, то ли разойдется гроза с трескучим раскатистым громом и огненной молнией. В двух словах отдав дружинникам распоряжения, Дмитрий Петрович двинулся к съезжей, но не успел сделать и двух шагов, как перед ним не пойми откуда появился Грюнер. В изящном поклоне сорвав с головы шляпу, он произнес необходимые приветствия, распрямился, спрятав за спину нарядные перья головного убора, и тут же приступил к делу.

– Вчера, на пристани, ваше сиятельство сослались на занятость и обещали подумать о нашем деле позже. Я понимаю, все понимаю, – поймав на себе недовольный взгляд воеводы,

---

¹²⁰ Алмамант – алмаз.

капитан ландскнехтов поднял свободную руку, как бы извиняясь за свою назойливость. Расположившись справа от князя, он пристроился под его шаг.

– Потерпи маленько, господин хороший, – посоветовал ему Лопата.

– Also? Я-то потерплю. Но не все мои люди так же понятливы и терпимы. Мне уже с трудом удается сдерживать особо вспыльчивых. Вот-вот полыхнет пожар, и от этого пострадаем мы все. Я бы мог его потушить, но для этого нужно хоть немного денег. Пусть это будет не все, что вы нам задолжали, но...

– Ну, так и людям своим передай, де, князь Пожарский самолично слово дал на днях с вами полный расчет произвести, – они дошли до съезжей и, поднявшись на первую ступеньку высокого крыльца, Лопата всем видом дал понять, что разговор на этом закончен. – А покуда, извиняй, без тебя забот полон рот.

В съезжей стояла прохладная полутьма с запахом отсыревшей травы и бумажной плесени. Мерклый сумрак непогожего дня, просеянный сквозь частое сито решеток из кованых прутьев на шести узких высоких проемах, с трех сторон насквозь пронизывал комнату жидкими струями тусклого света, беспорядочно-сложное переплетение которых напоминало густую паутину – ловушку, созданную коварным искусным охотником на погибель беспечных доверчивых мошек. Ковров с Хомутским, Федор Алампеев и Аким Раздеришкин расположились на широком топчане вдоль одной из стен. Дьяк Смелов сидел в одиночестве, поодаль от всех на низкой хлипкой табуретке за маленьким столиком с чернильницей, перьями, стопкой бумаги и ставцем о трех лучинах, свет которых выхватывал из полумрака угол большой кирпичной печи, обмазанной глиной, и массивную дубовую дверь, поперек укрепленную тремя полосками железа и запертую на три замка: два навесных и один нутряной с хитрым секретом – за ней, в маленькой комнатенке без окон хранилась крепостная казна, окладные книги, описи по тяглу и прочие грамоты.

– Перво-наперво, разговор о стрельцах пойдет, – начал Дмитрий Петрович, усаживаясь во главе стола, над которым тонким длинным крюком подцепленный к матице висел светец с десятком лучин. В красноватом свете тлеющих щепок, бесшумно оседая на толстые книги и стопки пергаментов, перетянутых разноцветными нитками, густо клубилась бархатная пыль. – Федор Константиныч, сколь людей у тебя в приказе состоит? Мне сказывали, деи, боле тыщи стрельцов у вас обитается. Мол, саратовский служилый люд к вам прибыл, да те, кому из Астрахани ноги унести посчастливилось. А тут, погляжу, и половины обещанного не наберется.

– Так, четыре сотни, но все неполные. В какой чуть боле восьми десятков, в другой и того нету.

– Ты что же, в точности не ведаешь? – с недоумением перебил Пожарский.

– Ну...

– Тут, видишь как, Дмитрий Петрович, – вступил Ковров, видя, что стрелецкий голова, еще не совсем пришедший в себя после ночных возлияний, в одиночку не справляется. – Разбегаются люди. Ествы не в достатке. Со службы прокорм скудный. Вот и бегут. Каждый день бегут. А потом кто ни то помыкается, да вернется. Покается, конечно. Мол, дурак, так и сяк, не прогоняйте, братцы, Христа ради. Как такого не пригреть. А он, стервец, посидит в тепле, отойдет послед скитаний своих, да опять в бега – лучшей доли искать. Так и идет. А нам-то попробуй в этой кутерьме в точности приказ сосчитать. Ныне одно число выйдет, завтра – другое, а послезавтра и вовсе. Так что ты, на Федора Константиныча не ропщи. Нет евонной вины в этом.

Лопата молча достал из наваленной перед ним горы одну книгу, осмотрел со всех сторон, будто в печатной лавке при покупке, и аккуратно положил на место, отряхивая руки от пыли.

– Ясно. Так вот, давай-ка, Федор Константиныч, в точности мне сосчитай, сколь в каждой сотне у тебя воинов. И отдельно – которые при оружии. Спрашивать, куды они пищали

казенные подевали, не стану – без толку все одно. Но стрелец без огнебоя – лишний едок бесполезительный. Так что... Придется нам всем миром оружие для них сыскать. У меня десяток пищалей в запасе есть. И порох в малости имеем. Поделится, чего уж. Но и вы, господа самарцы, в стороне не стойте. Что скажете?

Ответом стала тишина, лишь легонько, едва слышно потрескивали лучины и перо в руках Смелова тихо скребло по бумаге, перенося на нее слова воеводы.

– У меня две пищали и с десятка самострелов, – первым заговорил Раздеришкин, который сидел в дальнем углу покоев, подогнув под себя правую ногу и плечом упираясь в кладку печи. – Для своих людей запасал, но коли прикажешь...

– Прикажу, Аким... как тебя по батюшке?

– Савельевич.

– Прикажу, Аким Савельевич. Твои вершники и без пищалей повоюют – стрельцам огнестрел нужнее. И еще дело к тебе, покуда заговорили. Ныне в вечер отправляю отряд по дальним рубежам осмотр чинить. Головой у них дружинник мой – Лука Выщеславцев. Дай ему человека своего, дабы засечные служаки их за подсылов не приняли. Не то начнут друг друга стрелить – греха не оберешься.

– Дозволишь, князь? – Раздеришкин поднялся, даже в полумраке чувствуя на себе настояженные взгляды недавних своих собеседников. – Я бы сам с ними пошел. Все мои люди по заставам сидят, здесь от меня что за прок? А порубежье лучше моего никто не знает. Там я гоже буду.

– А коли за старшего среди вас Выщеславцева все же оставлю? – спросил Дмитрий Петрович после недолгого раздумья. – Не осерчаешь ли?

– На обиженных воду возят, – со спокойной усмешкой ответил Раздеришкин.

– Добро. Тогда собирайся, не мешкая.

Отвесив поклон воеводе, а после всем собравшимся, Аким Савельевич покинул приказные покои, и Лопата вернулся к прерванному разговору.

– Чего молчим, служивые?

В ответ Алампеев лишь пожал плечами и покачал головой, а Ковров, сосредоточенно глядя себе под ноги, пробасил сбивчивой скороговоркой:

– У меня и ближняя дружина вооружена как ни попадя. Так что и рад бы...

– А с меня и вовсе какой в ратных делах спрос, – последним отчитался Хомутской, изпод опущенных век внимательно наблюдая за Пожарским. – Я ведь по земским делам заведу.

– Понимаю, Егор... Петрович. Потому к тебе другой разговор имеется. Стрельцы ведь не токмо в снаряде нужность имеют. Голым, босым да голодным много не навоюешь, сам понимаешь. А у нас в амбарах запасов – малая малость. Так что надобно подумать бы, как закрома наполнить.

– А тут, Дмитрий Петрович, думай, хоть обдумайся. На том, что имеется, до нового урожая протянем с грехом пополам. А там уж и... Ежели погода опять не подведет. А то вона в прошлом году, каково лето выдалось – с утра до ночи моросило. Все на корню погнилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.